

Бертрис
СМОЛА

Невольница
любви

Наследие Скай О'Малли

Бертрис Смолл

Невольница любви

«Издательство АСТ»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Невольница любви / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1999 — (Наследие Скай О'Малли)

ISBN 978-5-17-101569-5

Деверелл Ли, много лет назад вынужденный бежать из Англии, где его ждала неминуемая гибель, на далекий Восток, волею случая спас от жалкого жребия наложницы прекрасную Индию Линдли, похищенную и проданную в рабство. Спас, еще не подозревая, что не просто совершил благородный поступок, но обрел свою единственную, настоящую любовь, женщину, ставшую для него всем — пламенной, неистовой страстью и счастьем, обрести которое Деверелл уже не надеялся...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101569-5

© Смолл Б., 1999
© Издательство АСТ, 1999

Содержание

Пролог	6
Часть I. Англия, 1625–1626 годы	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бертрис Смолл

Невольница любви

Bertrice Small
Bedazzled

© Bertrice Small, 1999

© Перевод Т. А. Перцева, перевод, 2000

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Пролог

Лондон, 1616 год

– Он в самом деле мертв, мама? – прошептал мальчик, с недетским любопытством разглядывая тело, бессильно обмякшее в кресле, обитом темно-синим гобеленом.

Женщина поднесла к губам мужчины зеркальце, прикрепленное к золотому шнуру, стягивавшему ее талию. Серебристое стекло осталось незамутненным.

– И уже никогда не встанет, сын мой, – деловито подтвердила она и, сунув руку за корсаж, извлекла кинжал с богато украшенной драгоценными камнями рукоятью тонкой работы. Настоящее произведение искусства!

Дама повертела кинжал перед глазами, жалея, что приходится расставаться с такой дорогой вещью. Но ничего не поделаешь.

– Вонзи ему в сердце, как я тебя учила, – скомандовала она, решительно вручая оружие сыну.

Мальчик тупо уставился на клинок.

– Мне всегда хотелось его получить, – заныл он. – Почему именно этот кинжал, мама? Теперь нам его не отдадут, верно ведь? И больше мы его никогда не увидим! Это несправедливо!

– Сколько раз повторять, сынок? – негромко возразила мать. – Все знают, что владелец оружия – твой старший брат, и немало народу стали свидетелями ссоры между ним и лордом Джефферсом из-за леди Клинтон, поэтому вряд ли кто усомнится, что именно твой брат убил несчастного. – И, растянув губы в улыбке, добавила: – Ты ведь хочешь стать наследником отца, саго мю¹, правда? Совсем не то, что быть младшим сыном и вечно дожидаться милостей от старшего! Зато теперь все изменится.

– Наверное, ты права, – вздохнул мальчик. – Мама, а Дева повесят за убийство?

– Если поймают. Но будем надеяться, что все обойдется. Не хочу, чтобы гибель твоего брата тяжким бременем легла на мою совесть. Единственное мое желание – чтобы мой дорогой малыш получил титул и владения отца. Не виноваты же мы в том, что твой папаша успел жениться, родить сына и овдоветь прежде, чем встретил меня.

– Но если его не повесят, как же я стану наследником? Что, если Дев докажет свою невиновность?

– Не успеет, – терпеливо объяснила мать. – Мы с тобой уже много раз толковали об этом. Твой брат – горячая голова, опрометчив и безрассуден. Легче легкого убедить его покинуть Англию, прежде чем в дом явятся солдаты короля. Он никогда не осмелится вернуться, пока тень позорной казни висит над ним. А теперь вонзи кинжал в сердце лорда Джефферса, сокровище мое.

Она легонько подтолкнула мальчика. Тот покорно выполнил приказ, и, как отметила мать, без особых колебаний и даже с довольной улыбкой повернул кинжал дважды. Женщина взяла кубок, из которого пила жертва, выплеснула остатки вина в огонь и тщательно протерла носовым платком внутреннюю поверхность, надежно убрав растертое в порошок стекло и мелко нарезанный конский волос, ставшие истинной причиной гибели Джефферса. Довольная своими усилиями, она налила в кубок свежего вина из кувшина и опрокинула на стол другой кубок, чтобы создать у посторонних впечатление очередной ссоры, приведшей к трагическому концу.

– Ну вот и все! – облегченно вздохнула она.

¹ Дорогой мой (*ит.*).

Сын нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Теперь можно идти? – капризно взвизгнул он. Мать кивнула, и преступная парочка рука об руку выскользнула из дома, который обычно лорд Джефферс снимал на время своего пребывания в Лондоне. К сожалению, сегодня он отпустил камердинера, своего единственного слугу, но женщина к тому же постаралась, чтобы тот не вернулся до рассвета: одна из ее камеристок позаботится об этом и пустит в ход все свои чары, чтобы вскружить голову растяпе.

Мать и сын вскочили на лошадей, спрятанных в укромном местечке за домом их жертвы. Пора возвращаться.

Женщина задумчиво нахмурилась. Пасынку, разумеется, уже известно о кончине соперника, и дворецкий слезно уговаривает его бежать, пока о преступлении не дознались. Молодой человек, разумеется, начнет спорить и возражать, но потерявший голову от страха и отчаяния Роджерс и слушать ничего не захочет, поскольку любит Дева как родного сына. Роджерс стар и слаб разумом, его легко сбить с толку. Сегодня вечером, перед тем как покинуть дом, женщина преспокойно уведомила его, что утром лорда Джефферса найдут мертвым, с клинком молодого хозяина в сердце, и если Роджерс не предупредит Дева, того арестуют, осудят и хладнокровно повесят. В конце концов, скандал из-за этой потаскухи леди Клинтон еще не утих! У лорда Джефферса нет других врагов!

– Но, миледи, откуда вы знаете? – дрожащим голосом осведомился старик и затрепетал, заметив многозначительную усмешку хозяйки. Он был не так глуп, чтобы не сообразить, кто в действительности прикончил лорда. Опасная женщина его госпожа, но что мог поделать простой слуга?! И разве поверит его господин такой невероятной истории? Наверняка посчитает сущим вздором!

Роджерс всегда знал, что ее светлость ревнует и завидует положению старшего сына хозяйки. Да и какая мать смирится с тем, что ее дитя навсегда останется в тени? Но разве мог кто-то предположить, что она решится на преступление? Хорошо еще, что смилостивилась и дала возможность Деву спасти свою жизнь, хотя при этом ему придется потерять все, что по праву принадлежит наследнику. Все, что было столь дорогим для него. Эта фурия отнимет у ни в чем не повинного человека титул и богатство.

Роджерс сухо поклонился.

– Я позабочусь о том, чтобы милорд сумел вовремя скрыться, ваше сиятельство, – пообещал он.

– Я знала, что могу на тебя рассчитывать, – кивнула женщина. – Ты всегда был осторожным и предусмотрительным человеком, Роджерс. Разве это не утешение – сознавать, что он по крайней мере будет в безопасности, а тебя ждет спокойная старость?

– Да, миледи, – бесстрастно обронил старик. – Я благодарен за вашу доброту.

Но стоило ей выйти из дома, как дворецкий взбежал по ступенькам с прытью, на которую, казалось, давно уже не был способен, сообщил дурные вести молодому человеку и без особого труда убедил его скрыться ради собственного благополучия.

Менее чем через год Роджерс тихо скончался во сне. Правда о смерти лорда Джефферса умерла вместе с ним.

Часть I. Англия, 1625–1626 годы

Глава 1

– Добро пожаловать во Францию, мадам, – приветствовал тещу герцог де Сен-Лоран, помогая ей спуститься на землю из огромного дорожного дормеза.

– Благодарю, месье, – ответствовала Катриона Стюарт-Хепберн с небрежным реверансом; взволнованный взгляд знаменитых глаз цвета лесной зелени на мгновение остановился на герцоге, но тут же скользнул куда-то вдаль. Джеймс Лесли, герцог Гленкирк, поспешно выступил вперед и с широкой улыбкой заключил мать в объятия.

– Джемми! – воскликнула она, не скрывая слез, когда сын нежно расцеловал ее в обе щеки. – Дитя мое!

Гленкирк, смеясь, снова облапил мать.

– Боюсь, я уже вышел из того возраста, когда мог бы считаться ребенком, мадам. – И, отступив, добавил, пристально разглядывая Катриону: – Не могу передать, как рад вас видеть. Узнав о вашем приезде, мы поспешили сюда со всем выводком, чтобы вы наконец смогли познакомиться со всеми внуками. Некоторые уже почти взрослые!

– А твоя супруга, Джемми? Ты женат более десяти лет, а я даже не знаю, хороша ли она собой!

– Жасмин была так занята детьми, что я не позволял ей путешествовать. Но ко времени нашей свадьбы она была уже далеко не девушкой и повидала мир. – Он подхватил мать под руку и весело предложил: – Хватит тут стоять! Идемте в замок, там вас заждались. Сестре с ребятишками тоже не терпится поскорее обнять вас.

– Жан-Клод, – обратилась к зятю леди Стюарт-Хепберн, – с вашей стороны крайне мило пригласить нас всех. Не знаю, как и благодарить за вашу доброту.

– Замок достаточно велик, – сердечно заверил герцог, – так что всем места хватит, а паратройка лишних детей особой разницы не составит.

Теща удивленно подняла брови, но тут же расхохоталась. У Джеймса Лесли трое сыновей и дочь, не считая двух падчериц и двух пасынков. Всего восемь. Не такой уж пустяк, если учесть, что у хозяев шестеро своих. Младшая дочь Катрионы, Франческа, четырнадцать лет назад, едва достигнув шестнадцатилетия, обвенчалась с неотразимым красавцем герцогом и с тех пор не знала ни одного несчастного дня. Вскоре после свадьбы любимый муж Катрионы Френсис Стюарт-Хепберн неожиданно заболел и скончался. К счастью, он успел пристроить обеих дочерей. Старшая, Джин, или Джинна, как ее звали на итальянский манер, стала женой маркиза ди Сан-Ридольфи. К прискорбию всей родни, их сын Йан никак не хотел остепениться.

– Как Джинни? – поинтересовался герцог Гленкирк, провожая мать к замку.

– Совсем итальянка! Совершенно забыла о своем происхождении! В жизни не поверишь, что родители у нее родом из Шотландии! – покачала головой мать.

– А Йан? На какие еще проделки отважился этот плут?

– Нам предстоит серьезный разговор о Йане, – сухо обронила Катриона.

Они вошли в просторную уютную гостиную, где собралась вся семья.

– Бабушка! Бабушка! – наперебой вопили дети Франчески, спеша окружить леди Стюарт-Хепберн. Каждый бесцеремонно старался привлечь ее внимание.

– Добро пожаловать, мама, – едва смогла вставить герцогиня де Сен-Лоран, целуя родительницу. – Слава Господу за то, что благополучно привел тебя к нам.

– Да, поездка была долгой и утомительной, Франческа, но совсем неопасной, – возразила мать, втайне восхищаясь красотой дочери. Его изумительные волосы цвета красного дерева.

Отцовские. Зато она взяла от матери глаза. Но все равно – стоит ей улыбнуться, и Катриона словно наяву видит его.

Катриона нашла для каждого из детей Франчески приветливое слово, погладила мальчиков по головкам и обняла двух малышей. И только сейчас заметила, что сын подошел к ослепительно прекрасной женщине с темными как ночь волосами, на шее и пальцах которой сверкали великолепные украшения.

Встретившись глазами с матерью, герцог Гленкирк вывел жену вперед.

– Мадам, это моя супруга, Жасмин Лесли.

– Рада познакомиться с вами, мадам. Наконец-то мое желание исполнилось, – заметила Жасмин, грациозно приседая.

– Как и мое, – кивнула Катриона, целуя невестку в бархатистые щечки, и, отступив на шаг, восхищенно воскликнула: – Ты прелестна, Жасмин Лесли, и так отличаешься от жены, которую я сама выбрала когда-то Джемми!

– Надеюсь, сравнение в мою пользу, мадам? – любопытствовала Жасмин.

– Изабелла была милым ребенком, – засмеялась леди Стюарт-Хепберн, – но луна скромно удаляется, когда восходит солнце. А теперь я хочу видеть моих внуков. Всех! Я считаю твоих детей родными, потому что мой Джемми был им отцом куда дольше, чем их собственный родитель.

Жасмин на какое-то мгновение лишилась дара речи, и бирюзовые глаза затуманились. Но, тут же овладев собой, она поманила своих отпрысков. Неподдельно тронутая тем, что мать Джемми так великодушна и благородна, Жасмин не знала, как выразить свою благодарность свекрови.

– Мадам, позвольте представить мое старшее дитя, леди Индию Линдли.

Девушка сделала изящный реверанс.

– Мой старший сын, Генри Линдли, маркиз Уэсли; моя средняя дочь, леди Фортейн Линдли; а это Чарлз Фредерик Стюарт, герцог Ланди.

Леди Стюарт-Хепберн, приветливо улыбнувшись, сказала одиннадцатилетнему герцогу:

– Мы дальние родственники, милорд, по линии вашего покойного отца.

– Мой дедушка упоминал о вас, – обрадовался молодой герцог. – И клялся, что вы были первой красавицей во всей Шотландии. Теперь я вижу, что он не солгал, мадам.

– Помогите нам Господь! – расхохоталась бабушка. – Теперь я вижу, что вы истинный Стюарт!

Интересно, что сказал бы мальчик, знай он, что покойный дед в свое время был поистине ненасытным сатиром, разрушившим ее первый брак.

– А это дети Джемми, – продолжала Жасмин. – Наш старший, Патрик, потом идут Адам, Дункан и крошка Отем. – Она любовно прижала к себе ребенка. – У нас была еще одна девочка, но около двух лет назад мы ее потеряли. Заразилась корью и умерла через месяц после кончины моей дражайшей бабушки. Ее звали Дженет Скай, в честь этой леди и Дженет Лесли.

– Я помню свою прабабку Дженет, – кивнула Кат. – Мы величали ее «Мэм». Неукротимая женщина.

– Совсем как моя бабушка, – согласилась Жасмин.

– А это правда, что вы когда-то попали в гарем? – неожиданно выпалила Индия.

Кат обернулась к девушке. Уже далеко не ребенок, но еще не женщина и так же красива, как мать, со смоляными волосами и необыкновенными золотистыми глазами.

– Да, – кивнула Катриона. – Я жила в гареме великого визира султана.

– Какого султана? – настаивала Индия.

– Существует только один султан, – пояснила Кат. – Турецкий.

– И как там было? Чудесно или ужасно? – блестя глазами, расспрашивала Индия.

– По-всякому. – Кат пожала плечами.

– Индия! – прошипела Жасмин, возмущенная неприличным поведением дочери. Ах эта Индия! Упряма, как сто мулов, и вечно стремится настоять на своем!

– А моя мама тоже выросла в гареме, – продолжала Индия.

– Неужели? – охнула в свою очередь заинтригованная Кат.

– Мой отец из индийской династии Великих Моголов, – пояснила Жасмин, – а мать – англичанка. Она вышла замуж за графа Брок-Керна.

– Я помню вашу мать, – обрадовалась Кат. – Ее зовут Велвет! Она гостила у нас в Эрмидже много лет назад. Но ты не слишком на нее похожа!

– Верно. Скорее, одновременно на бабушку с материнской стороны и на отца.

Да, вероятно, именно этим объясняется восточный разрез бирюзовых глаз и золотистый оттенок кожи. Леди Стюарт-Хепберн перевела взгляд на дерзкую девушку. Сливочно-белая кожа, волосы цвета воронова крыла с синеватым отливом, но откуда такие глаза? Совсем как у кошки. И не янтарные, а именно золотые, с крошечными черными пятнышками.

Пожилая женщина уселась в кресло у камина. Апрель во Франции – довольно холодный месяц.

Суматоха, вызванная приездом гости, постепенно улеглась. Взрослые устроились на диванах и стульях. Дети увлеклись играми.

– Сколько лет Индии? – осведомилась Катриона.

– Исполнится семнадцать в конце июня, – ответила Жасмин, уже предугадывая следующий вопрос. И как выяснилось, оказалась права.

– И до сих пор не замужем?

Жасмин покачала головой.

– Помолвлена?

– Нет, мадам.

– Вам следовало бы поскорее пристроить дочь, иначе до беды недалеко. Девушка вполне созрела для брачной постели и того гляди попадет в старые девы.

– Индия просто не встретила подходящего мужчину, – засмеялся Джеймс. – Я хочу, чтобы мои девочки вышли замуж по любви. Пусть берут пример с меня. На свете нет человека счастливее.

– Мэм обручила меня с твоим отцом, когда мне было четыре, и мы поженились за несколько минут до твоего рождения, ровно через двенадцать лет, – заметила леди Стюарт-Хепберн. – Любовь не входила в условия брачного договора, хотя со временем я стала питать к твоему отцу нежные чувства.

– Но ты страстно и беспредельно любила лорда Босуэлла, – напомнил герцог Гленкирк. – Кроме того, твой первый брак был заключен сорок семь лет назад. С тех пор времена изменились.

– И ты рискуешь счастьем падчерицы во имя какой-то мифической любви? – к собственному удивлению, возмутилась Катриона. Кажется, она в самом деле стареет и становится унылой ханжой!

– Индия никогда не совершит опрометчивого или неблагоразумного поступка, мадам, – поспешила вмешаться Жасмин, – поскольку она горда и всегда помнит о своем высоком происхождении. Индия – внучка грозного монарха, а семейство ее отца – старинное и благородное. Она преклоняется перед тем, что и мой отчим, и Джемми связаны узами родства с королевскими семьями. Кроме того, девочка обожала мою бабу, мадам Скай, и восхищается историями о ее приключениях и дружбе с Великой Бесс². Когда придет время, Индия найдет своего избранника.

– Никто не искал ее руки? – полюбопытствовала Кат.

² Английская королева Елизавета I. – Здесь и далее примеч. пер.

– Было несколько предложений, но Индия всех отвергла. Посчитала, что поклонники зарятся на ее деньги, – объяснил герцог Гленкирк. – И была права. Индия очень проницательна.

– Влюбленные девушки обычно забывают об осторожности, а первая любовь что тонкий лед – легко провалиться в холодную воду, – предостерегла Кат.

– Ну, пока ни один молодой человек не сумел покорить Индию, нам нечего волноваться, – беспечно обронила Жасмин.

Семейство Лесли из Гленкирка прибыло во Францию, чтобы представлять Англию во время женитьбы по доверенности нового короля Карла I на французской принцессе Генриетте-Марии. Король Яков неожиданно заболел и двадцать седьмого марта скончался. Длительные брачные переговоры к тому времени были закончены, несмотря на трудности, возникшие из-за вероисповедания принцессы. Но у Карла Стюарта не было времени спорить с парламентом. Он в одночасье оказался королем и до сих пор не имел наследников. И хотя понимал, что не может покинуть страну, чтобы самолично пойти к алтарю, иного мнения быть не могло: свадьба должна состояться, и немедленно, а королеве необходимо как можно скорее прибыть в Англию.

Срок венчания спешно передвинули с июня на первое мая, с тем, чтобы враги Карла в парламенте не успели объединить силы и воспрепятствовать браку или по крайней мере отложить его на неопределенное время. Герцогу Бакингема было сначала поручено заменить жениха у алтаря, но теперь ему пришлось остаться на похороны усопшего короля, назначенные на конец апреля, ибо не было ничего необычного в том, что тело упокоившегося в бозе монарха могло пролежать непогребенным несколько недель. Обязанности герцога Бакингема перешли к герцогу де Шеврезу, связанному родством с французской и английской королевскими династиями по линии их общего предка, герцога де Гиза. Поэтому обе стороны без всяких споров выбрали именно его.

Почти весь английский двор остался на родине, но Карл попросил герцога Гленкирка посетить свадьбу. Джеймс Лесли рассудил, что это куда более приятное событие, чем похороны бедняги Якова, и если его сестра, герцогиня де Сен-Лоран, уговорит мать приехать из Неаполя погостить, Жасмин и дети смогут наконец познакомиться с Катрионой Стюарт-Хепберн.

У молодого короля были свои причины обратиться к Лесли. Тот был дальним родственником Карла, а его пасынок, маленький Чарлз Фредерик Стюарт, – племянник нового монарха, пусть и рожденный вне брака. Но Стюарты не придавали значения подобным мелочам, если не были затронуты вопросы наследования. Они всегда приветствовали, признавали и считали бастардов законными членами клана. Король хотел, чтобы кто-то из его семьи присутствовал в соборе. Лесли из Гленкирка имеют безупречную репутацию и прекрасные манеры. Кроме того, они не настолько имениты, чтобы их отсутствие было замечено на траурной церемонии, поскольку редко бывали при дворе.

Замок Сен-Лоранов находился в сельской местности, в двух часах езды от Парижа. Лесли были включены в число гостей, имевших честь присутствовать при подписании брачного контракта и помолвки двадцать восьмого апреля, как и при венчании первого мая. Они решили взять с собой пятерых старших детей. Сен-Лораны, леди Стюарт-Хепберн и двое младших Лесли посетят только бракосочетание.

Дети Линдли и Чарлз Фредерик были слишком малы, чтобы приезжать ко двору короля Якова при жизни королевы Анны. Она умерла, когда Индии исполнилось одиннадцать. Королева обожала празднества и маскарады, любила искусство, музыку и танцы, а ее вечно угрюмый супруг прощал своей дорогой Анне все, по его выражению, «глупости и причуды». Однако после ее смерти всем развлечениям пришел конец. Придворные надеялись, что французская принцесса возродит былое веселье.

Гленкирк и его семейство были откровенно поражены и даже потрясены элегантностью и великолепием Лувра. Подобной роскоши в Англии не бывало!

Их встретили два английских королевских посланника: граф Карлайл и виконт Кенсингтон, немедленно проводившие вновь прибывших в покои короля Людовика, где должно было состояться подписание контракта. Все происходило по строго определенному протоколу. Оба посланника вручили контракт королю и первому министру для чтения. После этого монарх одобрил заранее оговоренные условия и только тогда велел позвать принцессу. Генриетта-Мария прибыла в сопровождении королевы-матери Марии Медичи и придворных дам. Принцесса выглядела поистине ослепительной в туалете из золотой с серебром парчи, затканной королевскими лилиями и расшитой алмазами, рубинами, изумрудами и сапфирами. Как только она заняла свое место, появился представитель жениха, герцог де Шеврез, в белом камзоле с черными полосами, буквально залитом алмазами. Герцог поклонился сначала королю, потом принцессе и представил верительную грамоту от английского короля. Людовик XIII принял ее, передал первому министру, кардиналу Ришелье, и подписал брачный контракт. Вслед за ним свои подписи поставили Генриетта-Мария, Мария Медичи, французская королева Анна Австрийская, герцог де Шеврез и оба английских посланника.

Официальную церемонию обручения провел в королевских покоях крестный отец принцессы кардинал де Ларошфуко; герцог де Шеврез давал ответы за английского монарха. После окончания довольно утомительной процедуры принцесса удалилась в монастырь кармелиток на улице Фобур-Сен-Жак, чтобы в уединении и покое возносить Господу молитвы. Гости разъехались, а герцог Гленкирк вместе с женой и детьми вернулся в замок Сен-Лоранов.

Тридцатого апреля, в день шестнадцатилетия Генри Линдли, Гленкирки, Сен-Лораны и леди Стюарт-Хепберн отправились в Париж, на свадьбу короля. Герцог Сен-Лоран посоветовал приехать заранее, чтобы избежать излишней толкотни и суеты, но дороги все равно оказались забиты повозками и каретами: казалось, вся Франция спешила на торжества. По счастливой случайности оказалось, что у зятя Джеймса есть небольшой домик на той же улочке, что и особнячок французских родственников Жасмин, не собиравшихся посетить свадьбу. Де Савилли жили в долине Луары, и хотя их род был старинным и благородным, но довольно захудалым. Кроме того, наступила весна, а их знаменитые виноградники в Аршамбо требовали постоянного ухода, что было куда важнее присутствия де Савиллей в столице. Они с радостью предоставили свое скромное парижское жилище в распоряжение родных.

Торжественный день выдался пасмурным и невеселым. К десяти утра небо обрушило на землю дождевые потоки. Тем не менее у собора Парижской Богоматери еще накануне начали собираться толпы народа, жаждущие стать свидетелями исторического события. Разразилась ужасная ссора между архиепископом Парижским и кардиналом де Ларошфуко. Последнему было поручено венчать принцессу, несмотря на то обстоятельство, что собор входил в епархию архиепископа. Но царственное семейство отмахнулось от протестов архиепископа, как от назойливой мухи. Взбешенный отец церкви удалился в загородное поместье, твердо решив не возвращаться до конца празднеств. Но как бы он ни был обозлен, все-таки не посмел запретить венчание в соборе, и поэтому в два часа дня, несмотря на ливень, Генриетта-Мария прибыла в резиденцию архиепископа, чтобы переодеться.

К счастью, из покоев архиепископа в собор вела специально сооруженная галерея, возвышавшаяся на восемь футов над площадью. Галерея поддерживалась колоннами, нижняя половина которых была обернута провошенной тканью, а верхняя – пурпурным атласом, расшитым золотыми королевскими лилиями. У западной двери собора находилось возвышение под балдахином золотой парчи, тоже навошенной, чтобы не пропускать воду. В шесть часов вечера из дворца архиепископа показалась процессия: это вели невесту. Впереди выступала сотня отборных швейцарских гвардейцев короля – барабанщики и солдаты с синими и золотыми флагами. За ними шли музыканты: двенадцать гобоистов, восемь барабанщиков и десять трубачей с фанфарами. Далее следовал главный церемониймейстер, позади которого ехали рыцари Свя-

того Креста, в плащах, усыпанных драгоценностями, и наконец – семь королевских герольдов в ало-золотых полосатых костюмах.

Представитель жениха, герцог де Шеврез, шествовал в сопровождении трех высокородных дворян. Он нарядился в черный бархатный камзол. В разрезы рукавов проглядывала подкладка из золотой парчи. На бархатном берете красовался огромный алмаз, сверкавший даже в этот серенький денек. Его провожали граф Карлайл и виконт Кенсингтон, оба в камзолах серебряной парчи.

Люди, мокнувшие под дождем, вытягивали шеи, толкались и едва не дрались, пытаясь подобраться поближе. То и дело раздавались крики: «Боже, благослови короля!», «Удачи и счастья принцессе!»

Приглашенные проходили через галерею и занимали место в соборе. Только избранные останутся под балдахином и станут свидетелями церемонии. Поскольку король Англии считался протестантом, венчание должно проходить перед дверями собора, но никто не находил в этом ничего особенного: раньше все свадебные церемонии проводились подобным образом. Потом в соборе будет отслужена месса.

Индия Линдли, дрожа и кутаясь в плащ, стояла среди почетных гостей. Конечно, куда благоразумнее было бы надеть накидку, подбитую кроликом, но она выглядит далеко не столь элегантно, как та, что на ней.

У девушки глаза разбегались при виде великолепных одеяний французских придворных. Она в жизни не видела ничего подобного! Зрелище было поистине ослепительным, и Индия чувствовала себя бедной провинциальной простушкой. Что касается их матери, то ее сказочные драгоценности затмевали все недостатки уже немодного платья, но и Фортейн, и Индия кажутся настоящими чучелами в сравнении с одиннадцатилетней худышкой Катрин-Мари де Сен-Лоран в ее восхитительном туалете из шелка винного цвета и золотой парчи.

– Вот невеста грядет, – пропела Фортейн, искренне наслаждавшаяся каждым мгновением этого красочного праздника. Уж ей-то было совершенно безразлично, что они обе похожи на деревенских клуш!

Индия жадно всмотрелась в Генриетту-Марию, словно скользившую между обоими братьями: короля Людовика XIII, царственно-величественного в отливающей золотом и серебром парче, и принца Гастона в небесно-голубом шелке. Миниатюрная шестнадцатилетняя девушка была затянута в дорогое подвенечное платье из тяжелого кремового шелка, расшитого золотыми королевскими лилиями, жемчугами и алмазами, переливавшееся всеми цветами радуги. На темных волосах сверкала небольшая филигранная корона тонкой работы, с центрального зубчика которой свисала такая гигантская жемчужина, что собравшиеся дружно ахнули.

– У меня найдется и побольше, – пробормотала герцогиня Гленкирк, и ее свекровь едва сдержала смех.

За невестой во главе остальных придворных следовали королева-мать, Мария Медичи, как обычно, в черном вдовьем одеянии, правда, по столь торжественному случаю усыпанном алмазами, и королева Франции Анна Австрийская, в наряде из серебряной парчи и золотого газа, отделанном сапфирами и жемчугом. Немногие английские гости уже стояли на возвышении, под балдахином, в ожидании невесты.

После окончания свадебной церемонии новобрачная, королевское семейство и придворные вошли в собор, чтобы прослушать мессу. Там уже собрались министры, верховные судьи, князья церкви и высокопоставленные чиновники, одетые, как полагалось в торжественных случаях, в алые, бархатные мантии, опушенные горностаем. Стены собора были увешаны дорогими шпалерами, и невесту с родными усадили на другое возвышение под балдахином. Сам герцог де Шеврез проводил английских посланников и гостей во дворец архиепископа: протестанты не имели права присутствовать на католической службе.

– Какая чушь! Невероятно! – негромко фыркнула Жасмин.

– Молчи! – резко перебил Джеймс Лесли. Жена, разумеется, права: все эти религиозные предрассудки, как и вражда между римской и англиканской церковью, абсурдны и ни к чему хорошему не приводят, но тут уже ничего не изменишь, и всякий, ввязавшийся в распри между церковниками, наживет немало врагов, а вместе с ними и большие неприятности. Лучше всего сохранять нейтралитет.

Леди Стюарт-Хепберн кивнула, одобряя мудрое решение сына.

– Ты видела, какие у них наряды? – возбужденно выпалила Индия. – А ткани! Бесподобно!

Жасмин пожала плечами.

– Невеста должна быть прекраснее всех женщин.

– Я вовсе не о ней! – воскликнула Индия. – Она прелестно одета, но я больше завидую придворным дамам! Хорошо тебе! Все смотрят на твои драгоценности, не замечая остального, но мы с Фортейн выглядим серенькими воробушками в сравнении с француженками. Подумать только, даже безгрудая Катрин Мари – и то нас затмила! Какой позор! Мы здесь представляем Англию и короля, а кажемся простыми служанками!

– А что плохого в наших платьях? – удивилась Фортейн. – По-моему, мы очень миленькие. Правда, мне понравились короткие волосы королевы Анны. Можно и мне сделать такую прическу, мама?

– Ну уж нет. У тебя чудесные волосы, дитя мое, куда лучше, чем у этой испанки. Пусть она стрижет и завивает их – все равно у тебя они куда красивее.

– Ну да, красные, как морковь, – проворчала Фортейн.

– Когда приедем в Англию, обязательно закажу себе новый гардероб, – объявила Индия. – И буду блистать при дворе короля Карла! Подумай, мама, последние французские моды и яркие тона! Англичане предпочитают такие унылые цвета! Светло-голубой, розовый, коричневый и черный... ужасно! И, мама, у тебя и без того так много украшений! Надеюсь, ты поделишься со мной? Пожалуйста!

– Вижу, она не стесняется добиваться всего, чего захочет, – покачала головой Кат. – Представляю, чего стоило тебе ее вырастить, Джемми!

– Она ничем не хуже остальных девушек, – улыбнулся герцог Гленкирк, – и всегда была послушной дочерью.

– Дай ей все, что она просит, и поскорее найди мужа, – посоветовала мать. – Поверь, еще немного и она выйдет из повиновения.

– Я тоже так считаю, – согласилась Жасмин. – Раньше я никогда не замечала в ней подобных наклонностей к сумасбродству и некоей одержимости страстями – возможно, потому, что намеренно закрывала глаза на недостатки Индии. Но теперь я словно прозрела и вижу знакомые черты моего брата Селима в собственной дочери. Помню, мой отец всячески потакал Селиму, даже когда его выходки были совершенно непростительны. Пьянство, распутство, воровство... он не гнушался и убийством. Только когда дошел до крайности, отец принял меры.

– Какой именно? – поинтересовалась леди Стюарт-Хепберн.

– Селим возжелал меня как женщину. Отец не мог допустить такого позора и выдал меня за принца Ямал-хана. Селим подослал к нему наемного убийцу и оставил меня вдовой. Отец, зная, что дни его сочтены, приказал тайком увезти меня из Индии. В Англии я встретила своего будущего мужа, Роуэна Линдли. Тогда мне было столько же лет, сколько моей старшей дочери.

– В таком случае ее следует немедленно выдать замуж, – повторила Кат, – и как можно скорее, прежде чем не случится скандал и она покроет себя позором. Жаль, что в Неаполе для нее нет подходящей партии.

– О нет! – вскрикнула Жасмин. – Не хочу, чтобы мое дитя отправилось в чужие края. Надеюсь, родные мне люди не разъедутся дальше Англии и Шотландии, мадам. До сих пор так

и было, если не считать моего ирландского дядюшки Эвана О'Флаэрти и вас, мадам. Джемми рассказывал мне о ваших... как бы это выразиться... недоразумениях с покойным королем, но теперь, когда Яков лежит в земле, не подумаете ли о возвращении на родину? Для вас всегда найдется место в Гленкирке.

– Благослови тебя Бог, дорогая Жасмин, – хриплым от нахлынувших эмоций голосом пробормотала Кат, – но мой возлюбленный Босуэлл похоронен в Неаполе, в саду нашей виллы, и я надеюсь когда-нибудь упокоиться рядом с ним. И в жизни, и в смерти мы будем вместе. Кроме того, мои старые кости привыкли к южному теплу и трудненько будет вынести сырость и холод Шотландии.

– Твоя прабабка, однако, вернулась из теплых краев, – спокойно напомнил герцог.

– Но я не Дженет Лесли, – так же невозмутимо обронила Кат.

В этот момент за окном прогремел пушечный выстрел.

– Похоже, месса наконец завершилась, – сухо заметил граф Карлайл.

– Долгонько пришлось ждать, – вздохнул виконт Кенсингтон. – Неужели эти безмозглые католики в самом деле верят, будто Господь простит им разврат и все смертные прегрешения лишь потому, что они часами простаивают на коленях в церкви? Ну что же, остается надеяться, что маленькая королева, которую мы увезем на родину, окажется столь же плодотворной, как ее старая мамаша.

– Подойдите к окну, – окликнул граф. – Полюбуйтесь на фейерверки! Хорошо, что дождь прекратился!

Они молча наблюдали, как взмывают в темное небо петарды, взрываясь снопами красных, зеленых, золотистых и голубых искр.

Тем временем французы проследовали в парадный зал дворца, на торжественный обед, куда вскоре пригласили и англичан. Стены огромного зала были украшены привезенными из Лувра шпалерами, столы простирались от одной стены до другой. Король восседал в центре стола, под золотым парчовым балдахином, расшитым лилиями. По правую руку поместили его мать, по левую – сестру, новую английскую королеву. Вторым соседом Генриетты был ее «муж» по доверенности, герцог де Шеврез. Новобрачной прислуживали высокородный дворянин, ее старый друг с самого детства барон Бассомпьер и два маршала Франции.

После торжественного ужина королеву Англии поздравили представители всех парижских гильдий, а швейцарская гвардия показала свою изумительную военную выучку. В одиннадцать часов уставшая Генриетта проследовала обратно в Лувр, но празднества в честь брака, объединившего Англию и Францию, продолжались целую неделю. Балов и банкетов устраивалось столько, что не было никакой возможности посетить все. Но самый роскошный давался королевой-матерью в ее новом великолепном Люксембургском дворце.

И тут во Францию неожиданно прибыл Джордж Вилльерс, герцог Бакингам, во всеуслышание объявивший, что король поручил ему проводить домой новую королеву. Бакингам был высок и на редкость хорош собой. Один взгляд его темных глаз мог растопить сердце любой женщины и заставить ее почувствовать себя единственной и самой желанной в мире. Его жена была бесконечно преданна ему, и хотя Джордж по праву считался волокитой, у леди Вилльерс не было оснований для ревности. Покойный король Яков прозвал герцога Стини, утверждая, что тот как две капли воды похож на Святого Стефана, известного своей неземной красотой.

Французская королева открыто восхищалась англичанином, придворные же возненавидели его с первой встречи, посчитав Вилльерса чванным и надменным. По их мнению, он вел себя высокомернее короля, и они с трудом выносили его присутствие. Жены, однако, не соглашались с мужьями и встречали герцога призывными улыбками, вздыхая по его каштановым кудрям, изящно подстриженным усикам и тонкой эспаньолке. Королева Анна и ее фрейлины всегда были рады обществу герцога. Как-то он вошел в салон, одетый в камзол серебристо-серого шелка, расшитый жемчужинами, которые то и дело отрывались и сыпались на

пол. Слуги бросились было собирать их, но герцог небрежным взмахом руки отослал челядь, объяснив, что таких безделушек у него несметное множество. Разрешив слугам оставить драгоценности себе, он еще больше обозлил своих недоброжелателей.

– Вы сделали это нарочно, – упрекнула его герцогиня Гленкирк. – Специально велели пришить жемчуг на живую нитку! Все стараетесь раздражить бедных французов. Вы им и без того как кость в горле! Что вы за гадкое создание, Стини!

Она обращалась с ним с фамильярностью давней приятельницы. Оба знали друг друга еще с тех пор, как Вилльерс впервые попал ко двору Якова.

Выразительные темные глаза блеснули, элегантно подбритая бровь лукаво поднялась, и Джордж молча усмехнулся, ни словом не ответив на укоры.

Двадцать третьего мая Генриетта в сопровождении пышного эскорта покинула Париж. Бесконечно тянувшаяся кавалькада состояла из кавалеров и дам, отныне принадлежавших к ее двору, многочисленных лакеев, поваров, конюхов, врача, аптекаря, портного, вышивальщиц, парфюмера, часового мастера, одиннадцати музыкантов, дурочки Матюрины и двадцати четырех священников, включая епископа. К ее прискорбию, король Людовик простудился и горло его так воспалилось, что он с трудом говорил. Поэтому, добравшись до Компьена, он распрощался с сестрой и вернулся в Париж, где немедленно велел призвать доктора. В Амьене у Марии Медичи началась лихорадка. Через несколько дней стало ясно, что Генриетте-Марии придется попрощаться с матерью и путешествовать одной. Карл уже слал послание за посланием с требованием немедленно привезти королеву. Наконец кортеж добрался до Булони, где уже ожидали двадцать кораблей, готовых доставить Генриетту и ее спутников в Англию. Оказалось, что многие английские аристократы специально прибыли в Булонь, чтобы приветствовать повелительницу, но хотя та была неизменно вежлива с ними, многие замечали, что она не питает особенно теплых чувств к своим новым придворным. Все они были протестантами, а ее не слишком умные духовные наставники советовали королеве держаться от еретиков как можно дальше. Заботясь о ее душе, они вовсе не думали о том, как важно Генриетте произвести хорошее впечатление на подданных.

Герцог Гленкирк с семейством пока остались во Франции. Джеймс считал, что им совершенно не обязательно глотать пыль на дорогах: кавалькада едва тащилась, и путешествие было невероятно долгим и утомительным. Они вернулись в замок Сен-Лоран, чтобы провести несколько дней с леди Стюарт-Хепберн, решившей прожить здесь все лето. Однако Джеймс Лесли не терял надежды уговорить мать вернуться в Шотландию.

– Ты даже не знаешь нашего короля, – твердил он, – а его родителей уже нет на свете. Забудь прошлое. Мы всегда рады тебе. Подумай, твое место с детьми и внуками.

Но Катриона упрямо качала головой. В юности она была ослепительно красива, и хотя время не щадило ее, как, впрочем, и всех, Катриона до сих пор могла по праву считаться неотразимой. Ее волосы медово-золотистого оттенка почти побелели, но зеленые глаза не выцвели и оставались такими же прекрасными.

– Джемми, – терпеливо объяснила она, – ты мой старший сын, и я горячо тебя люблю, но никогда не покину Босуэлла. Кроме того, как я уже говорила, мне тяжело переносить холод шотландских зим. Там я сразу постарею на десять лет и умру и, хотя ужасно скучаю по Френсису, все же не спешу к нему присоединиться, поскольку наслаждаюсь каждой минутой общения с родными. – Катриона рассмеялась и потрепала сына по руке. – Все эти годы ты прекрасно обходился без меня.

– Но разве ты не скучаешь по остальным детям? Мои братья и сестры тоже нарожали тебе внуков.

– И все время от времени навещают меня в Неаполе. Я вовсе им не нужна. Женщина производит на свет одного отпрыска за другим, но рано или поздно они уходят, чтобы жить своей жизнью. Вырастают, заводят собственные семьи и уже не так нуждаются в родителях. В этом

нет никакой трагедии, потому что каждая мать желает своим детям счастья и благополучия. Я любила всех своих малышей, но не только в них смысл моего существования. Скоро трое старших Линдли покинут гнездышко, любовно свитое тобой и Жасмин. И твоя обязанность, Джемми, – отпустить их без страданий и жалоб. Все это уже было с тобой, когда мне пришлось покинуть Англию, а ты остался главой семьи и благополучно пристроил всех младшеньких.

– До сих пор я не сознавал, как тоскую по тебе, мама, – признался Джеймс. – Неужели ты никогда не вернешься в Шотландию?

– Не могу его оставить, – вздохнула Кат.

– Ему, наверное, хотелось бы упокоиться в родной земле, – медленно вымолвил герцог, но тут же с усмешкой добавил: – Бьюсь об заклад, он вместе с королевой Анной ждал кузена Якова у райских врат. Она всегда была равнодушна к Босуэллу, верно, мама?

Кат кивнула.

– Женщины любили Френсиса, – улыбнулась она, – но если он и встретил Якова у входа в рай, тот наверняка посчитал, что его душа отправилась отнюдь не на небо. – Она рассмеялась, но тут же задумчиво свела брови. – Да, ты прав, он всегда мечтал быть похороненным в Шотландии.

– Как по-твоему, он не возражал бы лежать в поместье Лесли? – осведомился герцог.

– В старом аббатстве, – прошептала Кат. – Это возможно, Джемми?

– Разве мы с тобой не одурачили когда-то короля, матушка? Такая дружная пара, как ты и я, на все способны.

– И ты не считаешь это оскорблением памяти твоего отца?

– Отец похоронен не в Гленкирке, – пояснил герцог. Мать, разумеется, ничего не знала, но отец герцога, пятый граф Гленкирк, не утонул во время шторма, как тогда предполагали. Король объявил его мертвым, но на самом деле он попал в плен к испанцам, отправился вместе с ними в Новый Свет и нашел там свою судьбу. Герцогу стало известно об этом двадцать пять лет назад, когда отец неожиданно появился в Гленкирке и объяснил свое столь долгое отсутствие. Он был вне себя от радости, узнав, как обернулись дела в Шотландии, и немедленно вернулся к молодой женщине, ожидавшей его в городке Сен-Августин. С тех пор Джеймс Лесли никогда больше не видел отца, хотя каждые несколько лет получал послание, полное описаний самых невероятных приключений. Жена родила отцу много детей, и он никогда не пожалел о потере титула и шотландских владений.

– Мой отец был истинным шотландцем, мама, и, будь это возможно, велел бы похоронить себя в Гленкирке. Не верю, что он бы возражал против погребения Босуэлла. К тому же он слишком многим тебе обязан, – многозначительно заметил герцог. – И потом, кто будет знать об этом, кроме нас?

– В таком случае когда-нибудь мы приедем в Шотландию вместе, я и Френсис, – пробормотала леди Стюарт-Хепберн, и огромные зеленые глаза наполнились слезами, медленно заскользившими по щекам. Она и не пыталась их сдержать. – Ах, какие были чудесные времена... Мы часами мчались на бешеных конях под приграничной луной... луной разбойников и контрабандистов, – пробормотала она и, немного успокоившись, добавила: – Мы прибудем в одном гробу, так что ненужных вопросов не возникнет. Кому интересна старая мать герцога Гленкирка, завещавшая похоронить ее на родине? И никто не узнает, где настоящая могила Босуэлла, потому что даже в Неаполе находятся такие, кто готов верить в нелепые слухи насчет магии и колдовства, которые распространял о Френсисе кузен Яков и его придворные-протестанты. Кое-кто даже берет землю с его могилы в полной уверенности, что она имеет волшебную силу. Я была вынуждена приставить стражу к могильному холмику, иначе эти негодяи похитили бы тело Френсиса для своих мерзких обрядов.

– Вряд ли мне удастся залучить тебя домой слишком скоро, мама, – пошутил герцог, чтобы развеселить мать.

– Надеюсь, – усмехнулась та и обняла сына. – Спасибо, Джемми, за великодушие и благородство.

– Мне так редко приходится делиться с тобой тайнами, – улыбнулся он. – Кроме нас двоих, об этом будет знать только Жасмин.

– Согласна. Мне будет не доставать тебя.

– А мне – тебя, – вздохнул Джеймс и в последний раз повел мать на прогулку в сад.

Глава 2

– Какое расточительство! Просто неприлично! – неодобрительно воскликнула графиня Олсестер, морщась, как от боли, и обратилась к племяннице, укоризненно качая головой: – Ты безбожно балуешь девчонку, Жасмин, позволяя ей одеваться подобным образом! Всякий охотник за чужим золотом станет гоняться за такой невестой, стоит лишь Индии появиться при дворе в таком виде!

– Неужели я такая безмозглая курица, бабушка, – защищалась Индия, – что не способна отличить правду от лжи?! В Шотландии я отказала едва ли не дюжине искателей моей руки, причем именно по этой причине. Поверьте, я прекрасно вижу, когда тому или иному джентльмену не дает покоя мое приданое! Роскошная одежда не вскружит мне голову, и наряды не помешают разбираться в мужчинах!

– Язык у тебя слишком острый и дерзкий для девицы благородного происхождения и воспитания, – отрезала графиня. Индия чертовски упряма и своевольна, совсем как ее мамаша в свое время. И как мать самой Виллоу, леди Эдвардс, графини Олсестер.

Почтенная леди с каждой минутой все больше раздражалась. Благодарение небесам, что хотя бы ее собственные дочери выросли примерными и послушными девочками, как, впрочем, и внучки... Правда, не все. Есть и такие, за которыми нужен глаз да глаз! Но их немного: одна-две...

– Послушай моего совета, Жасмин, хотя подозреваю, что ты пропустишь мои слова мимо ушей. Тебе и Джеймсу пора найти для Индии подходящего мужа и раз и навсегда положить конец этим глупостям и бессмысленным расходам!

И, с трудом подняв свои располневшие формы с глубокого кресла, леди Эдвардс расправила темные шелковые юбки.

– Терпеть не могу Лондон, – проворчала она. – В это время года никому не следует здесь жить. Слишком тепло и чересчур сыро, но что поделаешь! Пришлось явиться в столицу, чтобы предстать перед новой королевой, как подобает верноподданным его величества.

– Королева показалась мне такой хорошенькой! – вставила Индия.

– Все молодые девушки хороши собой, – пожала плечами двоюродная бабушка, – а эта – ничуть не лучше и не хуже остальных. Но помяните мои слова: в королевском семействе сразу же начнутся споры и раздоры из-за того, что она осталась католичкой. И если все эти французы будут вести себя так же нагло, как на родине, король верно поступит, если отошлет их прочь. – Графиня, тяжело ступая, направилась к двери. – Я возвращаюсь в дом вашего дядюшки, – объявила она. – Увидимся завтра утром, когда поедем ко двору, и надеюсь, Жасмин, что твоя дочь будет скромно одета, как подобает порядочной юной англичанке, и не станет выставять себя напоказ, словно какая-то иностранная прощелыга!

Она величественно выплыла из комнаты, даже не взглянув на слугу, почтительно распахнувшего двери. Тяжелый шелк негодующе шуршал при каждом ее движении.

– Жирная старая корова, – прошипела Индия, когда двери снова закрылись.

– Она просто позабыта, что это такое – быть молодой, – объяснила Жасмин дочери, хотя втайне соглашалась со столь уничтожающей характеристикой. Тетя Виллоу всегда была противной чопорной ханжой. Странно, как мать и дочь могут быть столь непохожи! Прекрасная Скай О'Майли, такая живая, энергичная, веселая, безгранично любила жизнь со всеми ее радостями и горестями. Виллоу же всегда заботилась о мнении окружающих и вечно поучала остальных.

– Твоя двоюродная бабушка, однако, права в одном, Индия. Завтра ты наденешь самое простенькое платье и отправишься ко двору приветствовать королеву. Не следует ни в чем превосходить ее величество, особенно в тот момент, когда она, вне всякого сомнения, стремится

как можно лучше выглядеть в глазах своих подданных. Она будет смущаться и почувствует себя не в своей тарелке в новой, незнакомой стране.

– Совсем как ты, когда впервые приехала в Англию? – спросила Индия.

Жасмин кивнула.

– Но королева по крайней мере всегда может погостить дома, если захочется. Мне же назад дороги не было.

– Ты когда-нибудь пожалела, что уехала? – допытывалась старшая дочь.

– Нет, – вздохнула Жасмин. – Там для меня все было кончено. Впереди меня ждало столько увлекательных приключений. Сначала я нашла твоего отца, а потом дорогого Джемми. Никогда не стоит противиться судьбе, Индия, даже если считаешь, что это не та участь, которую выбрала бы себе сама.

– Моя судьба далеко не так интересна, мама, – отмахнулась Индия. – Придется поскорее выбрать мужа, иначе я рискую остаться старой девой. Какая скука! Буду матерью семейства, нарожаю детей, как ты, бабушка Велвет и прабабушка мадам Скай. Никаких сюрпризов и радостей! Все очень обыденно.

– В юности все мы пережили много хорошего и плохого, – возразила Жасмин, – хотя я от души надеюсь, что тебя минуют все волнения и беды. Слишком нежное у тебя воспитание – ты вряд ли сумеешь справиться с такими трудностями.

– Бабушка Велвет тоже росла в холе и неге, а посмотри, как отважно она боролась с роком и победила.

– Тогда были иные времена, – мягко заметила Жасмин, понимая, что ее дочь, рожденная и выросшая в Англии, многого не знает о чужом и враждебном мире.

– Пойдем, мама, поможешь мне выбрать туалет к завтрашнему приему, – попросила Индия. – И не забудь о Фортейн. Она обязательно дотянет до последней минуты, а потом оденется как несчастная нищая сирота и всех нас опозорит. Боюсь, сестрица совершенно не думает о своей внешности!

Герцогиня Гленкирк громко рассмеялась столь нелестной оценке. Нелестной, но очень точной. Сама Индия вечно вертелась перед зеркалом. Неизменно нарядное платье, аккуратно подстриженные ногти, модная прическа. Фортейн была полной противоположностью старшей сестре. Настоящий сорванец, с вечно спутанной, взъерошенной рыжей гривой, грязными порванными юбками и замурзанными щеками. Мать герцогини утверждала, что с возрастом Фортейн переменится, однако через несколько недель ей будет пятнадцать, а девушка так и не повзрослела! Интересно, каким это образом Жасмин и Роуэн Линдли ухитрились произвестить на свет таких совершенно непохожих дочерей?!

– Давай сначала поищем платье для твоей сестры, – предложила Жасмин, зная, что Индия целую вечность будет рыться в гардеробе, пытаясь решить, что надеть завтра.

– Ты права, мама. Главное – найти что-то почище, хотя Нелли из кожи вон лезет, чтобы наша буйная Фортейн выглядела прилично, – решила Индия и, засмеявшись, добавила: – Пове-ришь, мама, никто не злит меня больше, чем Фортейн, и хотя ей все и всегда безразлично, я в самом деле ее люблю!

– Знаю, – уверила герцогиня, и обе поспешили наверх.

Восхищенная изумительными нарядами французских придворных, Индия, верная своему слову, возвратилась из Франции полная решимости заказать новый туалет... нет, дюжину новых туалетов, по последней моде и из лучших тканей, расшитых драгоценными камнями и золотой канителью, с нижними юбками из парчи, которые так красиво выглядят в разрез модеста³. Она считала, что фартингейлы⁴ и юбки колоколом времен ее прабабки, бабки и

³ Верхнее платье XVII века.

⁴ Юбки с фижмами.

матери куда элегантнее теперешних, ниспадавших до пола мягкими складками и приспособленных сзади. Они вечно кажутся немного мешковатыми и плохо сидят! Жаль, что такой фасон сейчас в моде. Но ничего, роскошные ткани возместят все недостатки кроя.

И, не откладывая дела в долгий ящик, Индия совершила набег на склады торговой компании «О’Малли – Смолл», где хранились великолепные материи, привезенные матерью с родины почти двадцать лет назад. Их оказалось столько, что вполне можно было одеть Индию, Фортейн, да еще останется на приданое младшей сестренке Отем. Она тщательно выбирала цвета и оттенки, выгодно сочетавшиеся с темными волосами и белоснежной кожей, а потом лично надзирала за шитьем новых туалетов, выглядевших куда богаче и роскошнее, чем обычно носили при английском дворе. Уверенная в том, что ее наряды ничуть не уступают нарядам королевы и ее фрейлины, Индия с нетерпением ждала минуты, когда отправится во дворец.

Король и королева повторно обвенчались в аббатстве Святого Августина, что в Кентерберии, и отправились в Лондон по реке, поскольку в городе началась чума. Появление царственной четы в городе отмечалось далеко не столь парадно-торжественно, как ожидала Генриетта-Мария. Тем не менее молодая королева милостиво махала ручкой в окно барки собравшимся на берегу Темзы толпам любопытных, мокнувших под проливным дождем. К тому же дул почти штормовой ветер и холод был невероятным. Король вел себя куда более сдержанно, с величественным видом и хмурым лицом принимая знаки восхищения. Потом, однако, королева поспешно удалилась в свои покои, где несколько дней приходила в себя после долгого путешествия. И только в конце июня объявила, что полностью оправилась и готова к официальному оглашению их свадьбы.

Церемония состоялась в парадном зале дворца Уайтхолл. Король и королева сидели на тронах во время чтения брачного контракта собравшимся придворным и высшим сановникам церкви и государства. Индия почти ничего не слышала, поскольку непрерывно вертела головой, и успокоилась, лишь убедившись, что одета лучше всех англичанок. Фортейн, конечно, хихикала и закатывала глаза, когда Индию затягивали в узкий корсет, но та считала, что результат стоит всех мук и неудобств: маленькие груди соблазнительно вздымались над глубоким квадратным вырезом. Само платье было сшито из винно-красного шелка, с широким кружевным воротником, закрывавшим плечи. Рукава доходили до локтя, а в прорезях переливалась золотом и слоновой костью дорогая парча в тон изящным нижним юбкам, видневшимся в разрезах верхней. Герцогиня не дала дочери свои знаменитые рубины, считая, что девушкам больше подходит жемчуг. Прическа Индии была не менее модной: густые локоны, собранные в узел на затылке, одинокая кокетливая прядь, перевитая лентой, свисает над левым ухом.

– Будь я проклят, если это не самая пленительная фея, которую когда-либо видел свет! – прошептал Адриан Ли, виконт Туайфорд, своему другу, лорду Джону Саммерсу.

– Не про твою честь. Слишком богата, – сухо бросил тот.

– Ты знаешь ее, Джонни? И почему это вдруг я не имею права добиваться столь великолепного создания?

– Потому что она дочь герцога Гленкирка и сестра маркиза Уэсли. Девственница и к тому же наследница целого состояния. Я же сказал – не по себе выбираешь. Кроме того, ты и не думаешь о женитьбе и стремишься лишь соблазнить очередную доверчивую простушку. Попробуй сделать это с ней – и дни твои сочтены. Леди Индия Линдли – слишком лакомый кусочек, и кого бы ни выбрали для нее родители, ты в число счастливчиков не вступишь.

– Но я рано или поздно стану графом Окстоном, Джонни, – возразил виконт. – И какая же из нее выйдет графиня! Индия? Какое странное имя!

– Герцогиня Гленкирк, ее мать, родом оттуда, хотя ее мать не то англичанка, не то шотландка. Не знаю точно. Но семья их знатна и богата и к тому же в дальнем родстве с его вели-

чеством. Сводный брат леди Линдли, герцог Ланди, – племянник короля. Незаконный, разумеется, но ты же знаешь, каковы эти Стюарты, Адриан!

– Ну и пылкие же дамы в их роду! – задумчиво протянул виконт.

– Поостерегись, Адриан, – предупредил лорд Саммерс. – Если твоя мама обнаружит, что ты заинтересовался столь необыкновенной девушкой, она очень расстроится. Я знаю, как она обожает тебя. Недаром говорят, что твоя мать никогда не поручит тебя заботам другой женщины.

– Матушке лучше бы оставаться в Окстон-Корте и приглядывать за отцом. Последние годы он почти не встает с постели, – кисло улыбнулся Туайфорд.

– Невеселое занятие для все еще красивой женщины, – заметил Джон.

– Да, сохранить молодость и красоту – ее главная и единственная забота и увлечение. Если не считать вполне определенных мужчин, конечно, – пожал плечами виконт. – Но она не станет препятствовать моей женитьбе, Джонни, особенно если я найду подходящую невесту, а на этот раз, кажется, мне повезло. Кроме того, моя обязанность – иметь наследника; по крайней мере отец будет доволен. – Адриан устремил умоляющий взгляд на собеседника: – Придумай, Джонни, кто бы мог представить меня леди Линдли. Ты знаешь кого-нибудь из ее родственников?

– Только брата, Генри Линдли, маркиза Уэстли. Мое маленькое поместье граничит с его владениями в Кэдби. Если он здесь, думаю, вполне прилично обратиться к нему с подобной просьбой. У него добрая душа. Кстати, вот и он! – осмотревшись, обрадованно воскликнул лорд Саммерс. – Рядом со своим отчимом, герцогом Гленкирком. Пойдем, Адриан. Сейчас самое подходящее время.

Мужчины пересекли огромное помещение, с трудом пробираясь между гостями. После чтения брачного контракта король немедленно отправился в свои покои, чтобы без помехи пообедать, а королева, в свою очередь, удалилась к себе, оставив придворных слоняться по залу и сплетничать.

Наконец друзьям удалось приблизиться к тому месту, где стояли герцог с пасынком. Дождавшись, пока Генри обернется, лорд Саммерс объявил:

– Я поспешил выразить вам свое почтение, милорд, и представить близкого друга, виконта Туайфорда, который, увидев вашу сестру, леди Индию, неустанно твердит, что погибнет во цвете лет, если вы не познакомите его с ней.

И с этими словами лорд Саммерс дружески улыбнулся маркизу, который был младше его на три года.

– Представьте меня джентльменам, Гарри, – вмешался герцог Гленкирк, смерив оценивающим взглядом молодых людей.

– Это лорд Саммерс, отец. Его поместье рядом с моим. Мы иногда охотились вместе, когда я наезжал в Кэдби. С ним его друг, виконт Туайфорд.

– Как вас зовут, юноша? – требовательно спросил герцог.

– Адриан Ли, сэр. Я сын и наследник графа Окстона, – с низким поклоном пояснил виконт.

– И вы хотите познакомиться с моей падчерицей, сэр? Интересно, с какой целью? – свирепо прорычал Джеймс.

В ответ раздался звонкий смех: герцогиня Гленкирк, услышав разговор, обернулась и взяла мужа за руку.

– Не будь таким букой, Джемми. Виконт Туайфорд показался мне вполне respectable молодым человеком, а Индия – красивая девушка. Какая же еще тут может быть цель? – И Жасмин, снова засмеявшись, велела: – Генри, исполни просьбу этих джентльменов. Ведь вы добропорядочный человек, виконт, не так ли?

– Даю слово, мадам, – с мальчишеской улыбкой поклялся он.

– В таком случае следуйте за моим сыном, милорд, – милостиво разрешила Жасмин.

Вся троица поспешно направилась к Индии, весело щебечущей о чем-то с хорошенькой девушкой. При виде брата она улыбнулась и протянула руку.

– Генри! Как хорошо, что ты пришел! – воскликнула она.

– Мама позволила представить тебе этих джентльменов, Индия.

– Но я узнаю лорда Саммерса, – вежливо напомнила девушка. – Вы охотитесь в Кэдби вместе с Генри, не так ли, сэр?

– Не думал, что вы запомните меня, леди Индия, поскольку нас никогда не знакомили официально, – выпалил лорд Саммерс с низким поклоном.

– Как я могла не заметить такого приятного джентльмена! – кокетливо воскликнула Индия, слегка тряхнув головкой.

– Гром и молния! – выругалась вторая девица.

– Фортейн! – возмутилась леди Индия. – Господа, это моя младшая сестра. Простите ее, она никогда раньше не бывала в свете. И, боюсь, так и не научится приличным манерам.

– Значит, по-твоему, беззастенчиво флиртовать с едва знакомыми людьми прилично? – взорвалась Фортейн.

Индия густо покраснела.

– Ни с кем я не флиртовала, просто старалась вести себя вежливо.

Фортейн презрительно фыкнула. Генри небрежно отмахнулся.

– Сестры, что поделаешь! – вздохнул он, давая понять, что иного от этих глупеньких созданий ждать нечего. – Индия, если твое негодование немного остыло, я счастлив представить тебе виконта Туайфорда, который по неизвестным мне причинам настаивал на знакомстве с тобой. С его губ даже сорвалось слово «прекрасная». Подумать только, что кто-то способен считать тебя таковой!

Индия Линдли обратила мечтательный взор золотистых глаз на Адриана Ли и протянула руку.

– Как поживаете, милорд?

– Гораздо лучше с тех пор, как встретил вас, – прошептал он, целуя тонкие пальчики. Фортейн театрально закатила глаза.

– Генри, мне что-то не по себе. Нельзя ли удалиться подальше от столь тошно-торно-паточной сладости?

Но Индия уже ничего не слышала. У нее хватило присутствия духа отнять руку, но что-то в этом юноше заинтриговало ее.

– Zut alors, India! Une Anglaise charme!⁵ – неожиданно раздался чей-то голос, и молодой человек, одетый с почти непристойной роскошью, отделился от толпы и, в свою очередь, галантно припал губами к ладони леди Линдли. – Bonjour, ta belle cousine!⁶

– Рене! О, Рене, как ты вырос! – восторженно охнула Индия, очевидно, искренне радуясь появлению незнакомца.

– Oui, chérie, je suis un homme⁷.

– Говори по-английски, Рене! Ты теперь в Англии, – пожурела Индия. – Кроме того, ты знаешь английский куда лучше, чем многие англичане – французский. Как я счастлива снова видеть тебя! Познакомьтесь, джентльмены, это шевалье Сен-Жюстен, мой кузен. Рене, представляю вам лорда Джона Саммерса и Адриана Ли, виконта Туайфорда. Не знала, что ты сопровождаешь королеву! Кроме того, мы так и не встретились в Париже. Где ты был и почему оказался здесь?

⁵ Черт возьми, Индия! Очаровательная англичаночка! (*фр.*)

⁶ Добрый день, моя прелестная кузина! (*фр.*)

⁷ Да, дорогая, он самый (*фр.*).

– Один из придворных ее величества внезапно заболел, а я только что приехал из Аршамбо в Париж по делам поместья и явился в Лувр засвидетельствовать свое почтение королю, то есть оказался в нужное время в нужном месте. Мое семейство весьма польщено таким важным поручением, дорогая. Огромная честь для нас!

– В близком ли вы родстве? – вдруг вырвалось у виконта. Очевидно, им владело не столько любопытство, сколько непонятная ревность. Индия величала Рене кузеном, но откуда взялся этот лягушатник? Слишком уж он красив и обходителен!

Остальные мужчины мгновенно поняли, в чем дело. И хотя со стороны виконта подобные вопросы были непростительным нарушением этикета, Индия, казалось, ничего не заметила.

– Прабабушка Рене и мой прадед были братом и сестрой. В детстве я несколько лет провела во Франции. Мы с Рене вместе играли. Рене! Неужели не узнаешь Генри? Правда, он так вырос! А вот там, рядом с мамой, Фортейн.

Шевалье поклонился маркизу.

– Милорд, рад встрече. А теперь, пожалуй, пойду поздороваюсь с вашими родителями и леди Фортейн.

– И я с тобой, – вызвалась Индия, беря его под руку. – Вот мама удивится! Генри! Пойдем с нами!

И, вежливо улыбнувшись остальным джентльменам, она отошла вместе со своими спутниками.

– Кажется, у тебя появился обожатель, малышка, – лукаво заметил Рене Сен-Жюстен.

– Слишком уж дерзок на мой вкус, – покачал головой Генри. – Кроме того, я слышал что-то весьма неприятное о его семье, но сейчас уже не вспомню подробностей.

– Надеюсь, Генри, ты не из тех братьев, которые при каждом взгляде постороннего мужчины на сестру хватаются за кинжал? – резко бросила Индия. – Помни, что я старше тебя! Кроме того, мне виконт показался совершенно очаровательным и к тому же красивым.

– Между нами всего десять месяцев разницы, – возразил брат. – Не так уж и много. Граф Окстон! Ну да! Все ясно! Старший сын графа обвинялся в убийстве соперника, также претендовавшего на любовь некоей дамы, и был вынужден бежать из Англии. Он исчез бесследно, а граф удалился от света и никогда больше не появлялся на людях! Твой поклонник – его младший сын, от второй жены, которая, как утверждают, беззастенчиво забавляется в постели со слугами и арендаторами поместья. Очарователен, подумать только! Удивляюсь, как Саммерс, такой порядочный человек, водится с подобными людьми! Не думаю, что виконт Туайфорд – подходящая для тебя компания, сестрица.

– Ты не смеешь винить его за поведение сводного брата и матери! Какая несправедливость! – вскричала Индия. – Мне он нравится, и если пожелает ухаживать за мной, не стану возражать. Попробуй только наобедничать отцу, и он быстро узнает о той малышке-горничной в Гринвуде, которую ты объезжаешь в темных углах. Думаешь, я ничего не вижу?!

– Кровь Господня! – ошеломленно пробормотал Генри. – Откуда ты знаешь?!

– Интересно, все мужчины так невыносимо шумят, когда наминают животы своим любовницам? – громко осведомилась Индия.

Шевалье расхохотался.

– Кузиночка, да ты совсем не изменилась, слава Богу! – И, чуть помедлив, добавил: – Но Генри кое в чем прав, дорогая. О человеке судят по его семье. Кроме того, ты достойна большего, чем всего-навсего какой-то виконт. Дочь маркиза, падчерица герцога! Один брат – маркиз, второй – герцог и к тому же племянник самого короля! Тебе ли обращать внимание на жалкого провинциала Туайфорда!

– Я поступлю так, как пожелаю, – строптиво заявила Индия, и Рене снова засмеялся. – И ничего смешного! Я не только высокого рода, но и богата, а когда ты разбогатеешь, тоже можешь делать все, что заблагорассудится.

– В пределах правил приличий и этикета, – неодобрительно буркнул брат.

Пока королева старалась привыкнуть к новой жизни и совершенно чуждому окружению, ее соотечественники и английские придворные вступили в нешуточную борьбу за власть и влияние. Однако дворяне помоложе во главе с шевалье Сен-Жюстеном и английская «золотая молодежь» довольно быстро подружились. Никого из них не прельщали влияние и могущество, они просто хотели веселиться. Стояло лето, погода была теплой, и молодые дворяне окунулись в вихрь развлечений. Пикники сменялись охотой, катанием на лодках и шуточными соревнованиями в стрельбе из лука. Подобные затеи длились с рассвета до заката. У них еще хватало сил танцевать ночи напролет или устраивать маскарады. Часто к шумному обществу присоединялась королева: подобно свекрови, Анне Датской, она обожала всяческие забавы. Однако король, который во времена юности тоже не отставал от своих приятелей, теперь, озабоченный делами государства, все чаще мрачно хмурил брови.

– Я хочу поехать в Куинз-Молверн, – пожаловалась как-то Фортейн матери теплым пасмурным утром. – К чему нам оставаться при дворе? Мы никогда не проводили так много времени в столице. Скоро пройдет лето, и придется вернуться в Гленкирк.

– Твоя сестра должна появляться в обществе, и если мы хотим подыскать ей мужа, придется жить здесь, Фортейн, – ведь сюда собрались самые блестящие женихи со всего королевства, – пояснила Жасмин.

– Если Индия хочет сидеть в Лондоне – прекрасно, но почему бы остальным не отправиться в Куинз-Молверн? Мы все желаем уехать, не только я, правда, Генри?

– Мне давно следует быть в Кэдби, – кивнул брат.

– Чарли, а ты? – осведомилась Жасмин.

– Я уже выразил свое почтение дяде, мама, и представился королеве, – ответил герцог Ланди. – Мне совсем необязательно появляться при дворе до самой коронации, которая состоится не раньше будущей зимы.

Герцогиня вопросительно посмотрела на отпрысков Лесли.

– Нам тоже лучше в деревне, мама, – переглянувшись с братьями, заявил самый старший, Патрик.

– Думаю, мы вполне можем отослать вас семерых в Куинз-Молверн, – задумчиво протянула Жасмин. – Одних, разумеется, поскольку нам придется опекать Индию. Но вы должны дать слово прилично себя вести.

– Разумеется, мама. Кроме того, ты забыла об Адали, – напомнила Фортейн. – Уж он нам шагу лишнего не даст сделать. Если хочешь знать, он куда строже тебя и папы.

– Что же... – пробормотала Жасмин, прикусив губу.

– А я помогу ему проследить за мальчиками, – мягко настаивала Фортейн.

– Я уеду в Кэдби, мама, так что Адали легко справится с ребятишками. Фортейн, конечно, будет целыми днями носиться на лошади по лугам и полям, так что в беду уж никак не попадет, – вставил Генри.

– Не вижу причин возражать, – решила наконец Жасмин. – Думаю, и отец ваш согласится. Так что можете ехать.

– Ура! – хором завопили ее отпрыски.

– Когда? – не отставала Фортейн.

– Завтра, если успеете сложить вещи, – пообещала мать, и на этот раз ей пришлось заткнуть уши от невыносимого шума.

– В чем дело? – осведомилась Индия, входя в гостиную. Она была одета для прогулки верхом в синюю бархатную юбку и отделанный серебряной тесьмой жакет.

– Мы едем в Куинз-Молверн... – начала Фортейн.

– Нет! – взвизгнула Индия. – Ни за что! Не собираюсь торчать в этом захолустье! Не успеешь оглянуться, как придет пора возвращаться в Гленкирк! О-о-о-о! Я больше никогда не увижу Адриана! Это все твои проделки, Фортейн! Умираешь от зависти, потому что у меня столько поклонников, а ты со своими морковными патлами никому не нужна! Ненавижу тебя! И никогда не прощу! Я умру, если не останусь при дворе!

Она с размаху бросилась в кресло.

– Если кое-кто послушает моего совета, эту особу немедленно отправят в Гленкирк! – угрюмо пробормотал Генри.

– Ты не едешь, Индия, – сообщила мать. – Я намеревалась оставить тебя здесь, но сейчас начинаю думать, что Генри, пожалуй, прав. Немедленно извинись перед сестрой. Кстати, я не знала, что ты так интересуешься виконтом Туайфордом. Он совершенно не подходит девушке твоего происхождения и состояния.

Генри поспешно покачал головой, давая Индии знать, что не он выдал ее тайну.

– Но мне нравится Адриан, мама. Он очаровательный и очень забавный. И я ему нравлюсь, – самодовольно объявила Индия.

– Он сам это сказал? – встревожилась мать.

– Боже, нет, конечно! Так Рене утверждает.

– Фортейн ждет твоих извинений, – спокойно повторила мать.

Индия быстро обняла сестру.

– Прости, – шепнула она. – Ты знаешь, я не со зла, Фортейн.

– Вот что делает чрезмерное увлечение мужчинами, – проворчала Фортейн. – Надеюсь, со мной никогда такого не произойдет. – Она подхватила юбки и поспешила наверх, бросив на ходу: – Бегу собирать вещи, чтобы успеть к утру. За мной, парни!

Братья дружно вскочили и бросились за девушкой.

– Почему ты и папа не едете с ними? – с невинным видом поинтересовалась Индия.

– Потому что тебе нужны опекуны, – рассмеялась Жасмин.

– Но мне семнадцать, – закапризничала Индия.

– Всего семнадцать, – подчеркнула мать.

– Во времена бабушки Велвет ко двору ездили девушки и помоложе! Не понимаю, почему я не могу остаться одна.

– Во времена бабушки Велвет придворные девицы твоего возраста были либо фрейликами, либо замужними женщинами, находились на попечении родителей или родственников и, подобно тебе, искали приличную партию, а именно богатого, знатного мужа с хорошей репутацией. Но теперь времена иные. Молодая женщина из приличной семьи, живущая одна, создает о себе неправильное впечатление дамы легкого поведения. В крайнем случае люди посчитают, что семья не желает тебя признавать.

– Ты ужасно старомодна, – проныла Индия.

– Пусть так, – безмятежно ответила мать, – но уж поверь, ничего не изменится, пока я не сдам тебя мужу с рук на руки. И запомни: ты станешь во всем повиноваться мне. И не дашь причины пожалеть о том, что я из-за тебя осталась здесь, вместо того чтобы отдохнуть душой в Куинз-Молверне вместе с твоими братьями и сестрами. Я вполне могу и передумать, Индия. А теперь расскажи о виконте Туайфорде. Он пытается ухаживать за тобой? Незавидный жених.

– Но почему? – сгорая от любопытства, воскликнула Индия.

– Род его отца, правда, почтенный и уважаемый. Они из Глостершира. Ты, разумеется, знаешь о его брате Деверелле. Разразился отчаянный скандал, а такие вещи долго не забываются.

– Деверелл Ли убил соперника, – заметила Индия.

– Да, так говорили, и тот факт, что он скрылся, только подтверждает предположения. Однако многие отчего-то не верят этому. Деверелл Ли считался благородным молодым челове-

ком, но кинжал, воткнутый в сердце жертвы, принадлежал ему. Весьма выгодное обстоятельство для его мачехи и сводного брата Адриана. Никто не видел и не слышал ничего подозрительного. Слуга лорда Джефферса в ту ночь отсутствовал, и в доме никого, кроме хозяина, не было. Деверелл Ли не может вернуться на родину под угрозой казни, поскольку нет ни одного свидетеля, кто мог бы подтвердить его невиновность. Я слышала, что отец лишил его наследства. Да и что оставалось делать бедняге? Так что твой приятель в один прекрасный день станет графом Окстоном, и если слухи верны, это произойдет довольно скоро.

– Но почему ты перекладываешь на Адриана грехи его брата? Сама ведь сказала, что Ли – семья уважаемая, – возмутилась Индия.

– Да, но я имела в виду отца. Мать – дело другое. Она иностранка, довольно низкого происхождения и, говорят, меняет любовников как перчатки, выбирая при этом всякую шваль. Ее муж сломлен горем и болезнями. Люди считают ее поведение настолько же предосудительным, как и преступление Деверелла Ли. Пойми же: тот молодой человек, который привлек твое внимание, – ее сын. Воспитанный этой женщиной. Что же из него могло выйти? Яблочко от яблоньки недалеко падает. Притом Ли никогда не были богачами, а ты всегда старалась избегать охотников за приданым. Почему же сейчас считаешь, что Адриана Ли привлекаешь ты, а не твое золото?

– Но разве не видно, мама? Остальные вечно допытываются, сколько у меня земель и какой доход я получаю от своего состояния. Адриану в голову не пришло спросить об этом.

– Возможно, он не такой, как все, но тем не менее я не хотела бы видеть его твоим мужем. Однако пока его поведение по отношению к тебе безупречно, я не возражаю против такого общества, – кивнула Жасмин.

Она мудро рассудила, что слишком строгими запретами толкнет дочь в объятия молодого человека. Он достаточно умен и, несомненно, знает, как богата Индия. Собственно, это никогда и не было тайной. Он готов выждать, пока не накинёт на нее надежную сеть. Опасный противник! Проклятие! Почему при дворе не может появиться идеальный мужчина, который покорит Индию с первого взгляда?! Мать Джемми права – Индия созрела, стала как спелый персик, а влюбленная девушка не всегда благоразумна.

На следующее утро Джеймс и Жасмин прощались с детьми, отъезжавшими в сопровождении слуг в Молверн.

– С радостью отправился бы с ними, – мрачно признался герцог, хотя прекрасно понимал, как важно его присутствие в Лондоне. Ничего, скоро осень, а там они обязательно вернутся в Гленкирк, нравится это Индии или нет. Кроме того, он соглашался с женой в том, что необходимо дать падчерице определенную свободу, ибо для девушки на выданье нет ничего постыднее строгого надзора.

Весь этот вечер Индия протанцевала, одетая в великолепное платье из шелка цвета павлиньего пера, с лифом, расшитым жемчугами и алмазами, и воротником из серебряных кружев. Пряди волос тоже обвивали жемчужные нити, а локон был перевязан серебряной лентой. На шее красовалось короткое ожерелье из огромных кремовых жемчужин неправильной формы. Она покраснела от удовольствия и жары.

– Вы самая прекрасная девушка во всем мире, – страстно прошептал Адриан Ли, сверкая сапфирово-синими глазами.

– Знаю. – Индия рассмеялась при виде его удивленного лица. – А вы бы хотели, чтобы я скромно потупилась и хихикнула, как все эти дурочки?

– Нет, – покачал головой Адриан. – Но я желал бы похитить вас и любить до потери сознания. Согласились бы вы на такое, моя Индия?

– Я невинна и не имею представления о таких вещах, – кокетливо усмехнулась девушка. – И кроме того, я не ваша Индия. Даже выйдя замуж, я не стану принадлежать никому, Адриан.

Женщины моей семьи всегда оставались независимы и горды и владели собственным состоянием. И запомните: я не вижу причин менять этот старинный и прекрасный обычай.

– Поверьте, у меня и в мыслях не было просить об этом, – истово заверил он. – Мне нужны только вы, Индия.

Он наклонил светлую голову и порывисто коснулся губами ее губ. Но Индия, тряхнув головой, ловко ускользнула.

– Я не давала вам разрешения меня целовать, – строго процедила она, теребя ткань его небесно-голубого камзола.

– Никудышным бы я был поклонником, если бы покорно ждал вашего позволения, – прошептал он, вталкивая ее в укромную нишу и прижимая к стене. Синие глаза пристально смотрели в золотистые. – Ты созрела для поцелуев, Индия, и клянусь, что ничьи губы, кроме моих, не коснутся этого прелестного ротика, – пламенно объявил Адриан и немедленно исполнил свое обещание.

Теплые. Твердые. Совсем не так уж неприятно...

Сердце Индии пустилось в бешеную скачку, в животе словно трепыхались мириады мотыльков. Ее первый поцелуй! Но тут Адриан отстранился и улыбнулся ей.

– Тебе понравилось, Индия?

Девушка кивнула.

– Но тебе нечего больше мне сказать? – настаивал Адриан.

– Еще! – приказала она. – Хочу убедиться, что второй раз так же приятно, как и первый.

– Так и быть, – усмехнулся Адриан и снова поцеловал ее, с восторгом ощущая, как неумело шевельнулись ее губы в ответной ласке. – Да, Индия, да, – страстно прошептал он, поднимая голову. – Целуй меня еще.

Он надолго припал к ее розовому роту, и на этот раз руки Индии сомкнулись у него на спине, а маленькие круглые яблочки прижались к его груди.

– Ай-ай-ай! Думаю, *cherie*, на сегодня с тебя довольно, – раздался прямо над ухом голос кузена, и шевалье Сен-Жюстен театрально вздохнул, не скрывая, впрочем, насмешливой ухмылки.

Индия виновато отпрянула от виконта.

– Рене!

Француз поспешно вывел из ниши краснеющую девушку.

– Ты должна заботиться о своем добром имени, дорогая, даже если такие пустяки не тревожат господина виконта, – наставительно заметил он.

– Но мои намерения благородны, шевалье, – запротестовал Адриан.

– Если это и так, вам следует знать, что порядочный человек сто раз подумает, прежде чем уединиться с благородной девушкой в темном уголке и воспламенять ее невинную страсть поцелуями.

– Рене! – сгорая от стыда, прошептала Индия. – Я уже не ребенок, черт возьми!

– Джентльмен в отличие от тебя понимает, что я имею в виду. А теперь пойдем танцевать, кузина.

Он решительно увел Индию, оставив Адриана в полумраке ниши. Тот лишний раз убедился, что девушку бдительно охраняют. Но какое это имеет значение? Он так или иначе собирался просить ее руки. К удивлению молодого человека, прикосновения этих неопытных губ возбудили его куда больше, чем ласки прожженной куртизанки.

– Это твой первый поцелуй, *cherie*? – с любопытством осведомился Рене.

– Я была бы крайне благодарна, если бы родственники не следили за каждым моим шагом, – прошипела Индия вместо ответа. – Кстати, откуда ты знал, где меня искать?

Девушка была вне себя от гнева и раздражения и едва сдерживалась, чтобы не накричать на кузена.

– Случайно заметил, как он втолкнул тебя в нишу, и поскольку вы чересчур уж там задержались, решил спасти тебя, как подобает верному рыцарю. И поверь, Индия, эту сцену, кроме меня, наверняка наблюдали и другие. Ты не какая-то распутная девка, кузина, но если и дальше станешь позволять джентльменам тискать тебя по укромным местечкам, наверняка приобретешь определенную репутацию, нравится тебе это или нет. Боюсь, твой виконт намеренно старался поставить тебя в неловкое положение, а ты слишком наивна в делах подобного рода, чтобы осознать это. Надеюсь, теперь ты получила хороший урок.

– Почему все считают Адриана плохим человеком? – вырвалось у Индии.

– Возможно, он не так уж и плох, – задумчиво пояснил шевалье, – но, вне всякого сомнения, завзятый авантюрист и... скользкая личность. Для него огромная удача – поймать богатую наследницу вроде леди Индии Линдли.

– Но я не говорила, что собираюсь за него замуж, да и он ни словом не обмолвился на эту тему, – заверила Индия.

– Ему вовсе не обязательно делать это, дорогая. Если он очернит твое доброе имя, ни один мужчина не захочет такую жену, несмотря на ее красоту и богатство. Ты упадешь ему в руки, как спелый плод. Не хочешь же ты, чтобы тобой так беззастенчиво играли, кузина?

Взгляд карих глаз шевалье был искренне озабоченным. Наклонившись, Рене поцеловал Индию в щеку.

– Но мне он нравится, Рене, – призналась девушка. – Все же ты прав: я не могу допустить, чтобы какой-либо джентльмен ставил меня в неловкое положение. Так что отныне никаких укромных местечек. Ах, Рене, а я-то считала себя взрослой, но теперь вижу, как ошибалась. Я рада, что именно ты сыграл роль моего ангела-хранителя. Кстати, Генри уехал в провинцию с братьями и сестрами. Придворная жизнь совсем им не по вкусу!

– Увы, дорогая, и мне придется пробыть здесь совсем немного. Дворянин, чье место я занимал, выздоровел и вскоре прибудет из Парижа. Кроме того, не нужно забывать, что я лучший винодел в Аршамбо и должен вернуться на родину к сбору урожая, а ты уедешь в Шотландию.

– Король велел отцу быть на коронации, так что, вероятно, и мне разрешат приехать.

– Если будешь достойно вести себя и не доставишь родителям неприятностей, конечно, позволят, – весело улыбнулся Рене. – Но ты должна быть очень-очень послушной.

– Обязательно, кузен, – со смехом пообещала Индия, – потому что через несколько недель мы все отправимся на север, и, если этой зимой я не появлюсь при дворе, значит, никогда больше не увижу Адриана и умру старой девой, верно? – пошутила она.

– Никогда! – горячо воскликнул шевалье. – Где-то на свете уже ждет твой суженый, самый лучший на свете. И ты найдешь его, Индия. Помяни мое слово, вы отыщете друг друга. В этом я абсолютно уверен!

Глава 3

Джордж Вилльерс, герцог Бакингом, попал ко двору совсем юношей. Ему посчастливилось снискать милость короля Якова, и за довольно короткий срок умный и осмотрительный молодой человек, второй сын обедневшего рыцаря, сумел возвыситься до герцогской короны и жениться на дочери графа, леди Кэтрин Маннерз. Но Яков Стюарт был стар, и Джордж, предвидя, что дни короля сочтены, постарался приобрести дружбу и приязнь его единственного сына и наследника Карла. Ему удалось и это, и теперь герцог Бакингом стал самым влиятельным и могущественным человеком в Англии после Карла Первого.

Богатство и власть разжигали в нем жажду еще больших богатства и власти. Герцог сразу почувствовал соперницу в молодой королеве и поставил своей целью уничтожить даже то небольшое влияние, которое могла приобрести на столь же молодого мужа Генриетта. Еще при жизни Якова герцог старался исподволь разжечь неприязнь между отцом и сыном, и, когда распря расцветала пышным цветом, вмешивался любимец монарха и мгновенно улаживал ссору. Обычно он действовал так ловко, что ни король, ни наследник не подозревали, что становятся марионетками в руках хитрого Вилльерса.

Ту же тактику он попытался применить и к королеве, но та была куда умнее мужа и к тому же искушена в придворных интригах, а поэтому оказала Вилльерсу решительное сопротивление. Тот, опасаясь потерять свое положение, замыслил разрушить брак царственной четы, намеренно раздувая костер войны из искр недоразумений и взаимного непонимания. Генриетта оказалась бессильна: объясняться с мужем было бесполезно, поскольку тот, подобно отцу, твердо верил, что лучше и искреннее друга, чем Джордж Вилльерс, нет на свете.

И король, и королева ложились в брачную постель девственниками, ибо Карл был слишком благочестив, чтобы завести любовницу или опрокинуть на сено служанку в пустой конюшне. Кроме того, и отец, и Бакингом боялись постороннего воздействия на Карла и поэтому не поощряли его связей с женщинами. Очевидно, первая ночь прошла настолько неудачно, что молодые супруги опасались поведать кому бы то ни было о весьма неприятном испытании. Поэтому отношения с самого начала не сложились: шестнадцатилетняя королева стеснялась такого же застенчивого, но требовательного супруга, которому Вилльерс постоянно твердил, что сам Господь повелел мужчине быть хозяином в доме и в постели, что желания мужа – закон и женщина должна скромно и безмолвно служить повелителю. Он сумел убедить короля, что стыдливость жены – не что иное, как замаскированное стремление поставить на своем и отказать мужу в исполнении супружеского долга. Ситуация с каждым днем ухудшалась.

– Что это за странное имя – Генриетта? – насмешливо спросил как-то Вилльерс его величество. – У нас никто подобного не слышал. Какая-то чужеземная кличка! Владычица нашей страны должна иметь истинно английское имя. Может, отныне обращаться к ней «королева Генри»?

Генриетта, как и предполагал Бакингом, узнав обо всем, пришла в бешенство.

– Mon nom est Henriette! Henri? La Reine Henri? C'est impossible! Non! Non! Je suis Henriette!⁸ – завопила она.

Такое бурное проявление чувств обычно для страстных галльских натур, однако Карл счел этот взрыв истерикой самого дурного тона.

– Поговорим, когда вы немного успокоитесь, мадам, – холодно бросил он и, обеда презрительным взглядом окружающих, добавил: – Все эти люди... не пора ли им вернуться на родину? Вам должны служить подданные английской короны, мадам... соотечественники.

– Но это и есть мои соотечественники! – резко отпарировала королева.

⁸ Меня зовут Генриетта! Генри? Королева Генри? Это невозможно! Нет! Нет! Я Генриетта! (фр.)

– Они французы, мадам. Не забывайте, вы – королева Англии и должны находиться в окружении наших добрых дворян.

– В брачный контракт занесено, – напомнила Генриетта, стараясь не потерять самообладания, – что у меня будет право самой выбирать себе придворных.

– Да, но при этом не указано, что все они будут французами! – рявкнул король. – Бакин-гем просил у вас места для своей сестры, графини Денби, и получил бесцеремонный отказ! Мне не очень нравится подобное поведение!

– Графиня – протестантка, сир, – пояснила королева. – Я не желаю услуг протестантов.

– Я тоже протестант, мадам, – отпарировал супруг, – но это не помешало вам пойти к алтарю и, уж разумеется, не воспрепятствует рождению наследников, которые, как и их отец, тоже будут принадлежать к англиканской церкви.

– Мария, ваше величество, – вмешалась мадам Сен-Жорж, бывшая когда-то гувернанткой королевы и с тех пор с ней не разлучавшаяся. Видя, что спор заходит слишком далеко, она попыталась утихомирить неразумный гнев супругов и перевести разговор на более безопасную тему. – Если «Генриетта» не подходит для королевы Англии, не лучше ли взять второе имя ее величества – Мария? Я знаю, что ваше величество великодушны и, конечно, станете называть мадам Генриеттой, когда окажетесь с ней наедине, но «королева Мария» станет ее официальным титулованием, если, разумеется, ваше величество согласны. Мария, Мэри – ведь английское имя, не так ли?

Женщина низко присела.

– Неплохо придумано, – кивнул король, довольный, что добился своего.

Герцог Бакин-гем был вне себя от радости, но, впрочем, по совершенно иной причине. У англичан хорошая память, и не многие успели забыть Марию Кровавую, последнюю королеву-католичку, залившую страну кровью протестантов. Ее ненавидели, и часть этой ненависти, несомненно, перейдет на новую Марию.

Он ехидно ухмыльнулся.

На открытии сессии парламента королева не сочла нужным появиться, поскольку ее духовник, епископ де Менд, ошибочно посчитал, будто это нечто вроде религиозной церемонии, присущей исключительно англиканской церкви. Король рвал и метал. Члены парламента были глубоко оскорблены и выделили его величеству всего лишь седьмую часть запрошенной им суммы. Он объявил перерыв в заседаниях и переехал вместе со всем двором в Хэмптон-Корт, поскольку в Лондоне все еще не утихла чума.

Бакин-гем продолжал всячески вредить королеве, утверждая, что ее одежда слишком роскошна, а прически – чересчур вызывающие для англичанки. Он постоянно чернил ее действительно вспыльчивый характер и советовал Генриетте быть скромнее и покориться мужу, иначе тот отошлет ее во Францию. Потом он снова попытался получить места при дворе королевы, но уже не только для сестры, но и для жены, и племянницы. Королева, естественно, возмутилась, но на этот раз пожаловалась мужу. Карл спешно отбыл на охоту, чтобы избежать очередной стычки, а в его отсутствие графиня Денби посмела устроить в покоях королевы публичную церковную службу. Однако Генриетта и ее люди то и дело проходили через зал, смеясь и болтая, будто ничего необычного не происходило. За ними следовали слуги, бегали собачки, так что Бакин-гем не преминул доложить обо всем царственному покровителю, и гнев Карла был ужасен. При этом он отчего-то злился не на леди Денби, намеренно провоцирующую ее величество, а на жену, которую и решил наказать, отослав всех французов в Париж. Бакин-гем наконец сообразил, что зашел слишком далеко. Он совсем не хотел стать причиной осложнения отношений между двумя странами.

Король Людовик, услышав о несогласиях между супругами, расстроился и повелел своему доверенному лицу немедленно отправляться в Лондон и узнать, в чем дело. Бакин-гем поспешно убедил короля на время оставить французов в столице.

Чума наконец отступила, и коронацию назначили на второе февраля. В Гленкирке Джеймс Лесли громко ворчал, жалуясь, что придется среди зимы предпринимать столь долгое и небезопасное путешествие. Стояли холода, а снега в этом году выпало на редкость много. Им придется выехать немедленно, после Двенадцатой ночи⁹.

– Я не собираюсь тащить за собой весь выводок, – объявил он собравшемуся семейству.

– А мне и здесь хорошо, – отмахнулась Фортейн.

– Поедут Генри, Чарли и Патрик, потому что первые двое – англичане, а третий – мой наследник, – решил Джеймс.

Индия затаила дыхание и бросила на мать умоляющий взгляд. Адриану Ли было дано разрешение переписываться с ней, и он держал ее в курсе всех придворных сплетен и приготовлений к коронации.

– Думаю, Индия тоже может ехать, – вмешалась Жасмин.

– Это еще зачем? – вспыхнул было Джеймс.

– Она первенец Роуэна, английская дворянка из старой уважаемой фамилии и, разумеется, должна увидеть, как коронуется ее король, – спокойно объяснила Жасмин. – Кроме того, это прекрасная возможность познакомиться со многими родовитыми женихами, из тех, кто нечасто бывает при дворе, а их немало съедется в столицу. Нельзя упускать такой случай. И я хотела бы, чтобы моя дочь была со мной, Джемми.

– Так и быть, – неохотно буркнул он. – Но я не желаю видеть, как вокруг нее увивается этот щеголь виконт. Понятно, Индия? Я проявил терпение, позволил ему писать раз в месяц, но ни о какой свадьбе не может быть и речи! На этот раз я хочу видеть в нашем доме иных поклонников. Теперь, когда твой кузен Рене уехал, некому будет тебя покрывать! Думаешь, я не знал, что ты бегала на свидание не к нему, а к молодому Ли?

Индия проглотила вертевшуюся на языке колкость и с покаянным видом опустила голову. Она будет делать все, что пожелает, черт побери, но прежде нужно добраться до Англии, а уж потом выказывать норы.

– Да, папа, – послушно пропищала она, – спасибо, что позволил мне ехать.

– И на этот раз ты выберешь мужа, Индия, – строго наказывал Лесли, – либо здесь, либо в Англии. В июне тебе исполнится восемнадцать, и медлить больше нельзя.

– Маме было восемнадцать, когда родилась я, – заметила Индия.

– И она успела дважды выйти замуж, а кроме того, чтобы выносить ребенка, нужно время.

– Я хочу выйти замуж по любви, – осмелилась возразить Индия.

– Никто не собирается вести тебя к алтарю насильно, девочка, но пора думать о будущем, – заметил отец.

– Конечно, папа, – кивнула Индия.

– Ну и притворщица же, – поддела Фортейн, когда сестры поднялись к себе. – Уж мне-то известно, что ты метишь выйти за Адриана Ли! И он бы рад жениться, хотя не думаю, что любит тебя. Скорее твое приданое.

– Неправда! – рассердилась Индия. – Адриан любит меня! Сколько раз он писал о своих чувствах!

– Не понимаю тебя, Индия, – покачала головой Фортейн. – Ты всегда была такой осмотрительной, особенно во всем, что касалось охотников за приданым, и все же стала покорным комком глины в руках виконта. Что это с тобой?

– Ты ничего не соображаешь... – начала Индия.

– Нет, но пытаюсь, – согласилась сестра. – Ты мне не чужая, и я тебя люблю. Между нами всего два года разницы, и хотя мы совсем не похожи, мне не безразлично, что будет с тобой.

⁹ Двенадцатая ночь после Рождества, последняя ночь Святков.

Адриан Ли ведет себя совершенно неподобающим образом и в письмах обращается к тебе как к своей невесте.

– Неужели ты читала... – ахнула разъяренная Индия.

– Разумеется, – деловито подтвердила Фортейн. – Ты не слишком тщательно их прячешь, Индия. Если бы мама не доверяла тебе, она, вероятно, тоже все бы знала и уж тогда ни за что не взяла бы тебя с собой в Англию. Этот Адриан – настоящий наглец, сестрица.

– Он целовал меня, – призналась Индия. – В первый раз Рене нас застал и долго журил меня, так что в дальнейшем пришлось быть поосторожнее. О, Фортейн, я не представляю себе жизни без него! Папе придется переменить свое мнение об Адриане! Я не выйду ни за кого, кроме него!

– Но почему? – недоумевала Фортейн. Этот Ли ничуть не красивее ее братьев и не слишком умен к тому же. Отпускает Индии дурацкие комплименты, сравнивая ее губы с двумя горlinkками, а его правописание не выдерживает никакой критики! Было бы из-за чего голову терять! Да что в нем такого?!

– Не могу объяснить, – беспомощно пролепетала Индия. – Он восхитителен, и я его обожаю. Когда-нибудь ты все поймешь.

– Берегись, сестрица, – тяжело вздохнула Фортейн. – Если ты не дашь отставку своему поклоннику и не выберешь мужа сама, это за тебя сделает папа. Ты ведь знаешь, все в воле родителей. Наши до сих пор были очень снисходительны.

– Или Адриан – или никто, – упрямо твердила Индия.

– Не будет мира в этом доме, пока ты не выйдешь замуж, Индия, – покачала головой Фортейн.

– За Адриана, – последовал немедленный ответ, и Фортейн рассмеялась.

– Надеюсь, что у меня не будет такой дочери, как ты, – охнула она.

Семейство покинуло Шотландию седьмого января и прибыло в лондонский дом Гринвуд, тридцатого числа того же месяца. Времени на то, чтобы распаковать и привести в порядок одежду, почти не оставалось. Их уже ожидал виконт Туайфорд с последними новостями. Джеймс не слишком обрадовался гостю, но вежливо слушал его болтовню. Королевы, по-видимому, на коронации не ожидается. Она снова послушалась советов своих духовных наставников и предпочла проигнорировать мольбы своей матери и брата, короля Франции, желавшего, чтобы Генриетту короновали одновременно с мужем. Однако епископ де Менд посчитал, что архиепископ Кентерберийский, будучи протестантом, недостойн возлагать корону Англии на голову католички и его место должен занять римско-католический священник. И поскольку для англичан подобное кощунство было совершенно неприемлемым, королева не будет коронована вообще и не приедет в аббатство, где произойдет церемония.

Разумеется, поведение королевы было возмутительным. Герцог Бакингам открыто поговаривал об оскорблении англиканской церкви и его величества. Весь двор только об этом и сплетничает.

Во время рассказа Адриан Ли то и дело бросал томные взгляды в сторону Индии и девушка украдкой посматривала на него из-за полуопущенных ресниц.

К величайшей досаде Адриана, его матушка тоже решила посмотреть на коронацию. Узнав от сына, что приезжает Индия, она немедленно засыпала его советами, и, хотя детская любовь Адриана к родительнице со временем поостыла, он все же был вынужден признать, что у нее на редкость изобретательный ум.

– Ее отчим и слушать обо мне не желает, – жаловался он матери. – Я пытался поговорить с ним сегодня, когда приехал в Гринвуд, поздравить их с прибытием, но он поднял свою огромную лапищу и пробурчал, что я не могу сообщить ему ничего интересного. Но как, черт возьми, мне просить руки девушки, если он не дает мне говорить?! Индия утверждает, что он не одобряет наших отношений из-за убийства лорда Джефферса и вашей позорной репутации.

Какого дьявола вы путаетесь со всякой швалью, мадам? Если уж вам так нужны любовники, неужели нельзя выбрать кого-то поблагороднее и, уж разумеется, не афишировать свои связи?!

– Голубая кровь – ледяная кровь. Все твои аристократы – холодные, как лягушки, – сухо ответствовала Мариелена Ли. – Кроме того, мои любовные связи, сынок, тебя не касаются.

Протянув очень длинные тонкие пальцы к блюду, она выбрала конфетку, сунула в рот и подобрала острым язычком каплю меда, скатившуюся к уголку чувственного рта.

– Не касались бы, если бы ваше поведение не ставило под угрозу мой брак с одной из самых богатых девушек во всей Англии, – прошипел сын.

– Что было, то было, и прошлого не исправить, – спокойно произнесла Мариелена. – Если ее семья противится, нужно найти выход, Адриан. Удивительно, почему ты об этом не подумал. Девушка любит тебя?

– По крайней мере считает, что влюблена, – задумчиво выговорил сын. – Но я единственный, кто целовал ее или пытался ухаживать. Она неопытна и наивна и до сих пор жила под строгим присмотром. Правда, родители позволили ей отказать нескольким завидным женихам, в полной уверенности, что те зарились на ее деньги. Я, со своей стороны, ни разу не заговорил о приданом, хотя слышал, что она богатая наследница.

– Ее денежки помогут нам заново отстроить и обставить Окстон-Корт, – кивнула мать. – А ты? Ты любишь ее? Сумеешь быть счастливым с ней?

– Индия, на мой вкус, слишком независима, но этот недостаток с лихвой возмещается золотом, которое она принесет. Кроме того, когда мы поженимся, я сумею взять ее в руки и показать, кто в доме хозяин. Женщины в ее семье очень плодовиты, и пятеро-шестеро ребятишек скоро усмирят ее порывы. И в постели она, должно быть, хороша! Да, мадам, я удовольствуюсь Индией Линдли и ее богатством.

– В таком случае пойди и возьми все, чего добиваешься, сын мой, – пробормотала мать, слизывая сахар с пальцев.

– О чем вы? – раздраженно фыркнул сын. – Ее отчима разве что силой можно принудить выслушать меня.

– Адриан, если ты не воспользуешься возможностью заполучить девушку сейчас, уверяю, что другого случая не представится. Уговори ее бежать. Даже если вас поймают до того, как успеете обвенчаться, ее репутация будет безвозвратно погублена. Никто не пожелает такую жену, и ты так или иначе получишь Индию, – объяснила графиня Окстон.

– Я вовсе не хочу, чтобы меня поймали, – немедленно последовал ответ. – Нужно как можно скорее обвенчаться и овладеть ею, прежде чем семья успеет вмешаться, в противном случае проклятый герцог вполне способен утащить ее в Шотландию и выдать за какого-нибудь дикаря-горца, который слухом не слыхивал ни о каком скандале, и, обнаружив, что его невеста – девственница, станет всю жизнь благословлять тестя. Я должен отвезти ее туда, где нас никто не найдет. Но куда?

– В Неаполь! В дом моего брата! – предложила мать. – Твой дядя Джованни с радостью примет тебя на вилле ди Карло. Там женишься и сможешь день и ночь валяться с ней в постели. Лесли из Гленкирка в голову не придет разыскивать тебя там, да и что они знают о таких странах, как Италия? Когда она подарит тебе сына, вернетесь в Англию, и ее родные ничего не смогут поделать.

Впервые за много лет Адриан Ли обнял свою красавицу мать.

– Вы и вправду чертовски умны, мадам, – восхитился он. – И всегда действовали в моих интересах. Идеальное решение!

Мариелена грациозно высвободилась и отстранилась.

– Ты должен убедить девушку, Адриан, и поверь, это будет нелегко.

Понудившись устроившись в кресле, она пригубила вино из тяжелого кубка.

– Почему? Она любит меня! – объявил Адриан с юношеским энтузиазмом и, подняв свой кубок, жадно осушил его до последней капли.

– Но и свою семью тоже любит, – резонно возразила графиня Окстон. – И станет разрываться между вами. Тебе следует подтолкнуть леди к выбору, сын мой, иначе, несмотря на все ее чувства, у тебя нет ни единого шанса.

– Но как, мама?

– Запомни: чем холоднее отношение ее родных к тебе, тем лучше. Ты же, со своей стороны, должен быть неизменно вежлив и учтив. Пусть твой шарм и хорошие манеры станут полной противоположностью грубости герцога, тогда сравнение будет не в его пользу и леди Индия невольно примет твою сторону. И запомни, дорогой: пусть она не услышит от тебя ни одного худого слова в отношении ее семьи. Всячески защищай их, тверди, что, будь у тебя такая прелестная дочь, ты тоже всячески бы оберегал ее от брака, который посчитал бы неподходящим. Повторяй, что происходишь из небогатой и не слишком влиятельной, но порядочной и благородной семьи. Постарайся казаться добродетельным и достойным молодым человеком, вынужденным несправедливо нести ответственность за преступление старшего брата и недостойное поведение легкомысленной матери, которых ты не одобряешь и от которых отрекся бы, если бы это не разбило сердце твоего бедного отца.

Адриан, искренне восхищенный изобретательностью матери, весело рассмеялся.

– Если она окажется слишком нерешительной, – продолжала она, – ты должен быть смелее в ухаживаниях. Это не значит, что нужно лишать ее невинности, но из того, что ты рассказывал, я предположила, что дело ограничивалось поцелуями. Ласкай ее груди. Сначала через ткань платья, потом, если сумеешь, проникни пальцами за корсаж и нежно погладь. Только постарайся не напугать ее, иначе потеряешь все.

– Неплохо, – завороченно прошептал Адриан. – У нее самые соблазнительные грудки, которые когда-либо искушали мужчину.

Графиня понимающе улыбнулась. Сын куда больше похож на нее, чем готов признать. Его жена не будет так несчастна с ним, как сама Мариелена с его отцом, бесчувственным ублюдком!

Коронация состоялась на Сретение, второго февраля тысяча шестьсот двадцать шестого года. Королева наблюдала процессию из окна кордегардии, расположенной над воротами дворца Уайтхолл. На короле был белый атласный камзол, но вся церемония оказалась довольно скромной, поскольку казна почти опустела. Только благодаря щедрости нескольких богатых семейств, среди которых самым великодушным оказался герцог Бакингом, стало возможным устроить праздничный пир.

Герцог и герцогиня Гленкирк не спускали глаз с Индии, чье поведение в аббатстве можно было назвать безупречным. Правда, после коронации, когда все собрались на торжественный обед, Индия умудрилась ускользнуть от родителей и встретиться с Адрианом Ли. Джеймс, бессиленный остановить ее из опасения вызвать скандал, тем не менее заметил счастливую парочку. Вернувшись в Гринвуд-Хаус, он обрушил гнев на ни в чем не повинную жену.

– Она намеренно ослушалась меня, Жасмин! – гремел он, меряя шагами гостиную. Довольно с меня ее своевольства! В начале недели мы немедленно возвращаемся в Шотландию!

– И чем это кончится? – возразила жена. – Индия по-прежнему станет переписываться с молодым Ли, а летом мы приедем в Англию.

– Никаких писем! К лету Индия уже будет либо помолвлена, либо, что предпочтительнее, замужем! – твердо постановил Джеймс Лесли. – И поскольку она не способна выбрать себе достойную пару, придется нам сделать это за нее.

– О, Джемми, – пробормотала Жасмин, – мне бы не хотелось быть столь жестокой. Какое счастье – выйти замуж по любви.

– Твой отец дал тебе в мужья принца Ямала. До свадьбы ты не знала его, и все же вы были счастливы, – напомнил герцог. – Твои дед и бабушка нашли для тебя Роуэна Линдли, и в конце концов ты его полюбила, верно? И так сильно, что едва не умерла, когда его убили. Король Яков повелел мне жениться на тебе – и разве у нас плохая семья? Я знаю, ты меня любишь, дорогая Жасмин, и я тебя обожаю. Индия ведет себя как избалованное дитя. Она отлично понимает, что этот человек неподходящая для нее партия, и все же не желает больше ни на кого смотреть и упорствует в своих заблуждениях, поскольку считает, что если будет вести себя подобным образом, то, как не раз бывало раньше, настоит на своем и получит желаемое. Но на этот раз речь идет не о шенке, не о новом платье, а о жизни Индии, и я не хочу, чтобы она до конца дней своих оплакивала несчастную судьбу. Хотя бы это я обязан сделать в память об ее отце!

– У тебя есть на примете приличный молодой человек? – заинтересовалась Жасмин.

– На твоём месте я бы расспросил тетю Уиллоу о всех завидных женихах, и, кроме того, сыновья Энгуса Драммонда и Йана Маккре еще не женаты. Они будут на седьмом небе от возможности породниться с Гленкирками. Это порядочные, респектабельные семьи и, хотя не слишком знатные, все же довольно богаты и не фанатичны в вопросах религии. Но Индия, как англичанка, вероятно, предпочтет жить рядом с братьями, и тетя Уиллоу наверняка подскажет, с кем еще можно заключить брачный контракт.

– Наверное, это единственный выход, – нерешительно согласилась Жасмин. Муж, конечно, резок, но при всем при том прав. Индия будет рвать и метать, но что тут поделаешь? Недаром свекровь твердила, что девушка созрела для брачной постели. И прежде чем разразится скандал и репутация Индии пострадает, следует поскорее выдать ее за хорошего человека.

– Летом назначим свадьбу, – провозгласил герцог. – А потом решим, что делать с Фортейн. В июле ей исполнится шестнадцать, и ей тоже нужно подыскать мужа.

– Я подумывала отвезти ее в Ирландию, – предложила Жасмин, – поскольку всегда намеревалась отдать ей в приданое Магуайр-Форд и прилегающие к нему земли. Ей лучше иметь мужа ирландца или англо-ирландца, Джемми.

– Превосходно, – согласился муж. – Этим же летом отвезем Фортейн в Ирландию. Генри отправится в Кэдби, Чарли – в Куинз-Молверн. Патрик останется в Гленкирке вместе с маленькой Отем, а остальные двое пусть выбирают, где провести время – в Гленкирке или в Англии. Решено, любовь моя?

– Да, дорогой, – согласилась Жасмин. – Давно пора пристроить девочек, но ужасно тяжело с ними расставаться! Время так быстро летит! Кажется, только вчера они босиком бегали по виноградникам в Бель-Флер. Помнишь то первое лето, когда мы привезли их в Гленкирк и они голыми плавали в озере! Плескались, хихикали и отказывались выходить на берег, пока не посинеют губы от холода? – Глаза ее повлажнели. – Куда девались мои малышки, Джемми? Куда девались?

Джеймс нежно обнял жену.

– У тебя еще осталась одна, моя дорогая Жасмин. Если она окажется хотя бы в половину такой строптивой, как две первые, нам нелегко придется, – хмыкнул он, страстно целуя прихотливо изогнутые губки.

А в это время Индия, неподвижно застывшая в темном углу, пыталась осознать происходящее. Как бесчеловечны могут быть родители!

Наконец она осторожно выбралась из своего укрытия и, выскользнув в коридор, столкнулась с сестрой.

– Ты подслушивала! – упрекнула Фортейн.

– Тише! – прошептала Индия. – Мама и папа услышат! Я не хотела, но, когда они вошли, не успела уйти, поэтому спряталась и старалась не дышать. Не поверишь, что я узнала! Тебя это тоже касается! Пойдем!

Она почти силой потащила сестру в спальню и, закрыв дверь, драматически заломила руки.

– Нас выдают замуж!

– Что?! – взвизгнула Фортейн. – Неужели сменили гнев на милость и согласны иметь виконта своим зятем? А при чем тут я? – И, плюхнувшись на постель, приказала: – Да говори же, Индия!

– Они не позволят мне выйти за Адриана и хотят сами выбрать мужа для несчастной Индии! Либо сына одного из неотесанных дружков папаши, либо того, кого посоветует старая драконша леди Уиллоу. Папа требует, чтобы свадьба состоялась в начале лета. Потом Генри уедет в Кэтби, а Чарли – в Куинз-Молверн.

– А как насчет меня? – допытывалась Фортейн. – Ты сказала, что нас хотят выдать замуж. У меня пока никого нет на примете.

– Тебя летом отвезут в Ирландию. Мама хочет отписать тебе Магуайр-Форд с землями. Вероятно, потому что ты там родилась. Они собираются найти тебе в мужья ирландца или англо-ирландца. К осени и ты станешь замужней женщиной. Ну, сестричка, что ты об этом думаешь?

Фортейн, как ни странно, долго молчала.

– В Магуайр-Форде три тысячи акров, – вымолвила она наконец. – Прекрасное поместье. Интересно, будут ли включены в приданое мои лошади? С таким богатством я найду себе хорошего мужа.

Индия потрясенно уставилась на сестру. Она ожидала взрыва негодования, криков, воплей и, может быть, даже слез. Но такого...

– Неужели тебе все равно, кто станет твоим супругом?!

Фортейн обратила на сестру спокойные бирюзовые глаза.

– Женщина, особенно женщина нашего происхождения и воспитания, должна выйти замуж, Индия. Я очень плохо знаю мужчин и поэтому готова положиться на родителей в выборе мужа. Они не допустят, чтобы мы были несчастны в браке. Думаю, что мне позволят поближе познакомиться с женихом и не станут неволить, если он мне не понравится. Не будь ты столь тупоголовой, не оказалась бы сейчас в таком положении. Мама и папа не делали секрета из своей нелюбви к Адриану, но ты не пожелала ничего слушать, не так ли, сестрица? Но на этот раз по-твоему не будет, и лучше тебе с этим смириться. Нам пора жить своим домом.

– Я выйду только за человека, которого люблю! – отрезала Индия.

– Не будь такой дурой! – в свою очередь рявкнула Фортейн.

– Ты не скажешь маме и папе, что я подслушивала? – спросила Индия.

– Конечно, нет. – Фортейн пожала плечами. – У нас еще есть несколько месяцев. – Она задумчиво вздохнула: – Интересно, каким он будет? Мне так хочется иметь свою семью, детишек, хотя я буду скучать по маме и папе. Мы ведь будем редко видеться...

Несмотря на буйный, неукротимый характер, Фортейн могла быть на редкость практичной. Но Индия уже не слушала сестру. Нужно любым способом отыскать Адриана и рассказать, что им грозит разлука.

Оставив Фортейн, она поспешила в кабинет, набросала несколько строк, запечатала записку воском и прижала своей печаткой. Что теперь делать?

Она вышла в сад, побежала через газоны к берегу реки и помахала перевозчику. Тот немедленно причалил.

– Что угодно, леди? – почтительно спросил он.

Индия вручила ему письмо и монету.

– Отвези это в Уайтхолл. Отдай королевскому лодочнику и вели немедленно вручить виконту Туайфорду, наследнику графа Окстона. И подожди его, понятно? Ты должен проводить виконта сюда.

Перевозчик взвесил монету на руке и, даже не глядя, понял, что заработал сегодня вдвое, если не втрое, больше обычной платы.

– Будет сделано, миледи, – поклонился он и оттолкнул утлое суденышко от причала. Честному парню и в голову не пришло взять монету, избавиться от письма и выкинуть из головы поручение. Кроме того, он немного побаивался: высокородные господа имели обыкновение безжалостно мстить за обиду.

Глядя вслед лодчонке, Индия облегченно вздохнула. Все будет хорошо. Они с Адрианом вместе придумают, что делать.

Подхватив юбки, девушка побежала к дому, только сейчас поняв, как замерзла. В спешке она забыла надеть плащ, но это не важно. Сейчас значение имело только ее будущее с Адрианом Ли.

Глава 4

В Гринвуд-Хаусе царила тишина и часы только что пробили полночь, когда Индия услышала странный шорох. В стекло ударилась горсть мелких камешков. Чуть погодя стук повторился.

Встав с постели, которую делила с Фортейн, Индия босиком, не обращая внимания на ледяной холод, выглянула наружу. Тусклое лунное сияние едва освещало одинокую фигуру. Адриан! Он пришел!

– Сейчас спущусь, – тихо сказала она и, закрыв окно, схватила со стула плащ.

Фортейн что-то неразборчиво пробормотала и повернулась на спину. Индия на мгновение остановилась, опасаясь, что разбудила сестру. Но та продолжала мирно посапывать. Индия, облегченно вздохнув, бесшумно выскользнула за дверь, спустилась вниз и без помех добралась до библиотеки. Там, распахнув широкое окно, она помахала поклоннику рукой.

– Адриан! Сюда!

Виконт легко взобрался на подоконник и, спрыгнув в комнату, заключил Индию в объятия и осыпал страстными поцелуями. Растерявшаяся девушка, тяжело дыша, высвободилась.

– Стыдитесь, Адриан, – с нервным смешком упрекнула она. – Я пригласила вас сюда вовсе не для таких глупостей!

Она покраснела, сердце часто колотилось, и голова шла кругом. Как он все-таки дерзок!

– Не для этого, прелесть моя? Я горько разочарован, – шутливо пожаловался он. – В таком случае, миледи, умоляю, откройтесь, для чего я вам понадобился.

Он взял ее ладошку и коснулся губами каждого пальчика.

– О, Адриан, я не знаю, что делать! – тихо вскрикнула Индия и более уже не протестовала, когда он вновь обнял ее и принялся гладить по голове.

– Что случилось, куколка? Не таись от меня, – упрасивал он. – Расскажи все, и клянусь, я сумею тебе помочь.

Миленькая, доверчивая и к тому же богатая! Да, лакомый кусочек! Кусочек, который достанется только ему!

– На следующей неделе мы возвращаемся домой! Папа запрещает мне видеться с тобой. Он и мама решили найти мне, как они выражаются, «достойную пару». Но я не хочу выходить замуж за совершенно чужого человека. Что теперь будет, Адриан? Они разлучат нас навеки, – всхлипывала Индия. – Если меня увезут в Гленкирк, все кончено! И пусть меня посчитают распушенной особой, но я не могу не признаться, что не вынесу, если нам придется расстаться. Я умру! Просто умру!

– Не позволю! Что тогда будет со мной? – мягко обронил Адриан, едва сдерживая радостный вопль. Вот оно! Будущий тесть сам предоставил ему именно тот удобный случай, которого Адриан до сих пор тщетно добивался! Теперь он может похитить леди Индию Линдли у чересчур заботливых родственников. Он и не предполагал, что осуществить материнский план будет столь несложно!

– Но, Адриан! – умоляюще прошептала девушка. – Как же теперь быть?

Глядя в маленькое запрокинутое личико, Адриан невольно восхитился ее красотой. Ему и в самом деле повезло!

– Твой отец не оставил нам иного выхода, дорогая, – объявил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее и убедительнее. – Мы должны сбежать и пожениться, прежде чем он увезет тебя в Шотландию.

Индия вздрогнула. Ее сердечко разрывалось между любовью к родным и своему неотражимому поклоннику. Как он красив: идеально прямой нос, шелковистые светлые волосы, полные губы... Сапфирово-синие глаза смотрели на нее так страстно и преданно!

– О-о-о, Адриан, не знаю. По-моему, это ужасно неприлично... и опасно...

– Индия! Неужели ты уже разлюбила меня? – спросил он оскорбленно.

– Конечно, нет, Адриан! Ты – мой единственный, – выпалила Индия, залившись румянцем. В таком она ему еще не признавалась.

– Я тоже обожаю тебя, дорогая, – поспешно заверил он, понимая, что просто обязан ответить в том же духе.

– Но мне дороги и родные, – продолжала она, нерешительно прикусив губку.

– Я не собираюсь вбивать клин между тобой и твоей семьей, – заметил он, – но разве это справедливо – разлучать влюбленных? Верно и то, что мои старший брат и мать навлекли позор на Окстон-Корт, но ведь я прежде всего сын своего отца. Наш род – старый и благородный, и я никак не повинен в дурном поведении Деверелла и матушки. Мне кажется, что герцог Гленкирк выше таких предрассудков, но все-таки хороший отец обязан защищать свою любимую дочь, и пусть я считаю, что он не прав, однако вполне понимаю его чувства. Если мы поженимся, скандал постепенно утихнет, а мы станем хозяевами своей судьбы. Сначала твои родители, несомненно, рассердятся, но, увидев, как мы счастливы, простят непокорных детей, я точно знаю!

– Но где скраться, Адриан, так, чтобы нас не нашли? – шепнула Индия, прижавшись к любимому. Сейчас все страхи позабылись и сразу стало так тепло и хорошо!

– Нужно покинуть страну, – осторожно предложил он и смолк, выжидая, какова будет реакция девушки.

– Покинуть страну? – испуганно охнула Индия.

– А что предлагаешь ты? В Англии нет такого места, где можно было бы спрятаться. У тебя большая семья, рассеянная по всей стране. А на север нам пути нет, верно? – хмыкнул он, чмокнув Индию в кончик носа.

– И во Францию тоже, – сообщила она. – Там у нас полно родственников.

– А как насчет Неаполя?

– Неаполь? Но почему, Адриан?

Теперь он нежно гладил ее по спине, и девушка едва не замурлыкала от невыразимо приятных ощущений.

– Там живет мой дядя, граф ди Карло. Мы отправимся в Италию, поженимся и останемся там до рождения первого ребенка. Если мы вернемся домой с сыном, твой отец не сумеет расторгнуть брак, прелесть моя.

– Мать отчима тоже поселилась в Неаполе! – вспомнила Индия. – Леди Стюарт-Хепберн. Там же и ее дочь, маркиза ди Сан-Ридольфи. Что, если мы столкнемся с ними, Адриан? Бабушка немедленно сообщит отцу!

– Мы обвенчаемся тихо, без всякого шума, любимая, и ни разу не выйдем за ворота виллы. Ты знакома с этими дамами, Индия?

– Только с леди Стюарт-Хепберн. Прошлым летом она была во Франции. Маркизу я никогда не видела.

Индию снова охватили сомнения. Слишком уж безрассудный поступок предлагал ей совершить Адриан. Безрассудный и опасный.

– Возможно, твоя любовь не так горяча, как ты уверяешь, Индия, и ты попросту боишься, – язвительно заметил он, видя, что девушка колеблется. Нужно действовать решительнее!

– Неправда! – вскричала Индия, забыв об осторожности.

– Что-то не похоже, – продолжал он незаметно подначивать ее.

– Клянусь, Адриан! Клянусь, что люблю тебя безумно!

– Тогда скажи, что готова отдаться мне телом и душой и стать моей милой женушкой, – умоляюще попросил виконт. – Дай слово выйти за меня и рожать мне детей. Я хочу услышать обеты из твоих уст!

И прежде чем она успела вымолвить слово, он стал осыпать ее жгучими поцелуями. Дерзкая рука проникла под плащ и легла на упругую грудь. Голова Индии кружилась от восторга и блаженства. Губы слегка приоткрылись под его губами, приветствуя вторжение его языка. Когда сильные пальцы сжали нежный холмик, Индия ошеломленно распахнула глаза. Такого с ней еще никогда не было. Тепло его ладони пьянило, а когда большой и указательный пальцы слегка ущипнули набухший сосок, она едва не потеряла сознание и с негромким стоном откинулась на его руку. Если это и есть любовь, значит, на свете нет ничего прекраснее!

– Скажи, что согласна, дорогая, – настаивал виконт. – Неужели не чувствуешь, как сильно я тебя жажду? Как люблю тебя, моя драгоценная Индия? Скажи! Скажи, иначе я брошусь в реку, потому что не смогу жить без тебя.

– Да. О да! – выдохнула она.

Адриан немедленно отнял руку и прижался губами к соблазнительной выпуклости под шелком ночной сорочки.

– Твоя добродетель – величайшее сокровище для меня, – торжественно объявил он. – Нам следует прекратить любовные игры, иначе я потеряю самообладание и опозорю нас обоих. У нас впереди целая жизнь, и мы сможем купаться в неземном блаженстве, но только после свадьбы.

– Ах, Адриан, как я люблю тебя! – повторила Индия, желавшая в душе, чтобы поклонник не был столь благороден. Ей невыразимо нравились его ласки и поцелуи. Тело, казалось, горело и плавилось, но странная влага в потаенном местечке между ног ужасно конфузила девушку. Что это с ней? Хуже всего, что она не осмелится спросить о таком маму!

– Ты точно знаешь, когда родители решили вернуться в Шотландию? – деловито осведомился он. – Мне необходимо срочно найти судно, отправляющееся в Неаполь. Кажется, времени у нас в обрез.

– Дня через три-четыре. Отец еще не приказывал собирать вещи.

– Завтра же утром отправлюсь в порт и поищу корабль, – пообещал виконт. – Наверняка кто-нибудь да отправляется в Средиземное море.

– Лучше всего заглянуть в контору компании. «О’Малли – Смолл», – посоветовала Индия. – Я не поплыву ни на каком другом корабле. Если довериться незнакомым людям, можно остаться без единого фартинга, да еще и окончить жизнь за бортом. Путешествовать морем опасно, но корабли компании принадлежат нашей семье и там мы будем в безопасности.

– А что, если тебя узнают, дорогая?

– Не узнают, если переоденусь, – резонно возразила Индия, в восторге от собственной сообразительности. – Ты будешь сыном графа ди Карло, а я – твоей престарелой теткой леди Манипенни, бездетной, недавно овдовевшей, которой пришлось в голову умереть на родине. Весьма сентиментальная история, не так ли? Отец послал тебя сопровождать немощную родственницу. Таким образом мы, не вызывая подозрений, сможем заказать две каюты. Я на всякий случай постараюсь не выходить на палубу до самого Неаполя, так что ни один любопытный нос не сунется в мою каюту. Ну разве я не хитрая лисичка, мой дорогой? – лукаво улыбнулась Индия.

– Еще какая! – согласился виконт, удивленный ее предусмотрительностью. По правде говоря, это не слишком ему нравилось. Для такой молодой девушки она весьма поднаторела в искусстве обмана. Но, вспомнив о богатом приданом, виконт немного успокоился. К тому же девушка необычайно красива и пылко отвечает на ласки. Ее легко укротить! При определен-

ных обстоятельствах все женщины вынуждены покоряться, хотя он не будет таким уж строгим хозяином.

– Тебе пора, – вздохнула Индия. – Придешь ночью и подашь тот же знак, что и сегодня. К тому времени все окончательно решится.

Наспех поцеловав девушку, виконт удалился тем же путем.

– До завтра, любовь моя, – прошептал он и исчез во мраке.

Индия покачала головой. Как он прекрасен, ее Адриан! И скоро их ничто не разлучит! К тому же он чувствителен и справедлив: не только сочувствует ее безрассудно упрямому отцу, но и щадит ее невинность и умеет вовремя остановиться. Он – само совершенство! Почему родители не видят этого?!

Выйдя из библиотеки, Индия прокралась наверх и легла рядом с посапывающей сестрой. Ей казалось, что после таких волнений она ни за что не заснет, но вскоре глаза ее сами собой закрылись.

Утром она пожаловалась на головную боль и до полудня пролежала в постели, прихлебывая принесенный матерью травяной чай.

– Мы хотели провести день во дворце, – сообщила Жасмин. – Надеюсь, ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы ехать с нами?

Индия тяжело вздохнула:

– Нет, мама, вряд ли я поднимусь сегодня. Боль немного утихла, но с реки веет холодом и сыростью, и я боюсь еще больше простудиться. Надеюсь, мы не завтра покидаем Лондон и я успею попрощаться с их величествами?

– Отец назначил отъезд на вторник, – сообщила герцогиня. – Сегодня только суббота, так что у тебя еще будет случай увидеть короля и королеву.

– Тогда я остаюсь, – решила Индия, – чтобы встать к завтрашнему дню.

– Не возражаешь, если мы все-таки поедem в Уайтхолл? – встревоженно спросила мать. – Генри и Чарли, кажется, нашли себе невест и влиятельных друзей, а я, возможно, подыщу и тебе самого завидного жениха.

– Мне никто не нужен, кроме Адриана, матушка, – слабо улыбнулась Индия.

– Ах, дорогая моя, выкинь его из головы. Не такой муж тебе нужен, да и папа ничего не желает о нем слышать. Джемми так отчаянно старался заменить вам отца, и я уверена, что Роуэн согласился бы с ним насчет твоего виконта. Ты никогда не обретишь с ним счастья, так что забудь об этом человеке.

– Постараюсь, мама, – пробормотала девушка.

– Это все, о чем я прошу тебя, – добавила Жасмин.

Едва за родителями и Фортейн закрылись двери, Индия вскочила и принялась торопливо собираться. Ни ей, ни сестре не позволили взять в Лондон горничных, так что в доме почти никого не было, кроме небольшого штата постоянных слуг: дворецкого, экономки, прачки, кухарки и конюха. На этот раз герцог отказался нанимать им в помощь людей со стороны. Индия отнесла прачке охапку белья.

– Мы уезжаем во вторник, и я не хочу тащить домой всю эту грязь. Не могла бы ты заняться сегодня стиркой? Мама с папой и Фортейн наверняка попросят о том же, и чтобы не вваливать сразу так много работы на твои плечи, я решила начать собираться прямо сейчас.

– Разумеется, миледи, все будет готово, – кивнула женщина. – Благодарю вас за доброту.

Индия поспешила в библиотеку и, отодвинув фальшивую панель, запустила руку в тайник, где отец хранил ценности. Замшевый мешочек едва не лопался от монет. Очевидно, отец уже побывал у менялы, прежде чем пуститься в обратный путь. Индия довольно улыбнулась, положила мешочек на место и задвинула панель. Она обязательно захватит золото с собой, в счет своего приданого. Можно биться об заклад, что, после того как Адриан заплатит за каюты,

его состояние сильно оскудеет, и он будет в восторге от предусмотрительности невесты. Золото позволит им весь год прожить беззаботно!

К полуночи, когда Адриан вновь бросил камешки в стекло, родители еще не возвращались.

– Осторожнее, – предупредила она, распахнув окно. – Мама с папой все еще во дворце и приплывут на барке, поэтому я не смею впустить тебя. Отсюда мне легче наблюдать за рекой. Какие новости, любимый?

– Ты оказалась права, моя умная куколка. «Король Карл», новое торгово-пассажирское судно компании «О’Малли – Смолл», отплывает в понедельник, с утренним приливом, с заходом в порт Неаполя. Я оставил за нами две каюты, и к пяти утра мы должны быть на борту.

– А кто капитан? – поинтересовалась Индия.

– Томас Саутвуд.

– Мой кузен... но он не видел меня много лет, поэтому нам вряд ли что-то грозит, особенно если я преобразусь в старую леди Манипенни. Заедешь за мной в четыре. Я захвачу два небольших сундучка и шкатулку с драгоценностями, поэтому лучше нанять барку побольше. – И, послав виконту воздушный поцелуй, Индия нежно попросила: – А теперь уходи, пока нас не застали. Я люблю тебя, Адриан.

Она отошла от окна, прижимая руку к сердцу и задыхаясь от счастья. Еще два дня – и их никто не разлучит!

К тому времени когда Фортейн вошла в спальню, сестра мирно посапывала.

Назавтра, в воскресенье, семья отправилась на церковную службу в Уайтхолл. Король предпочитал католическую англиканскую мессу, несмотря на жалобы и протесты пуритан.

– В таком случае идите к своим священникам, – приказал он самым ревностным фанатикам. – Разве вы не помните, что я клялся быть терпимым в вопросах веры? Вам не по душе англиканская церковь, а католиков вы просто ненавидите. Если считаете, что Господу угодны ваши постные рожи и визгливые голоса, так тому и быть.

Выходя из часовни короля, Лесли столкнулись с Адрианом Ли, покидавшим часовню ее величества.

– Вот и еще одна причина, по которой ты не можешь выйти за этого парня, – твердо произнес Гленкирк, удерживая Индию, бросившуюся было навстречу своему суженому. – Он заядлый католик, а быть католиком в Англии крайне опасно.

– Но Лесли из Гленкирка когда-то принадлежали римско-католической церкви, как и мама, – дерзко ответила Индия. – Разве старая королева Бесс не твердила, что Иисус Христос един, а остальное не важно?

– Все мы когда-то были католиками, – терпеливо пояснил герцог, – но времена изменились. – Лично я уверен, что Богу все равно, кто ему поклоняется, пока мы почитаем и уважаем Его заповеди, но наши семьи выжили лишь потому, что смогли приспособиться к обстоятельствам. Мы не занимаемся ни политикой, ни религиозными распрями, держим ухо востро и честно платим налоги. Однако даже если бы я и согласился на твой брак с виконтом, в наш ненадежный век вряд ли мудро родниться с католиками. Глупо привлекать к себе внимание – и без того немало людей завидует такой красивой и богатой девушке, как ты. Они не остановятся ни перед чем, лишь бы причинить тебе зло.

Но Индия рассерженно вырвалась.

– Это мой последний день при дворе, – прошипела она, – поэтому позволь мне делать что хочу и самой выбирать себе собеседников! Мне уже семнадцать, папа, я не какая-то глупая девчонка, которой нужно указывать, что делать! Если ты отнимаешь у меня любимого человека и силой выдаешь замуж, неужели мы с Адрианом не имеем права увидеться хотя бы раз?

Она резко повернулась и молниеносно исчезла, мелькнув на прощание гранатовым шелком юбок.

– Оставь ее, – посоветовала мужу Жасмин. – Она достаточно разумна и смирится с судьбой, если ты не станешь раздражать ее без нужды, Джемми. Пусть сама разберется в своих чувствах.

– Почему мне так хочется перекинуть ее через колено и отшлепать туфлей? – кровожадно пробормотал герцог.

Жасмин тихо засмеялась.

– Потому что она уже выросла и скоро уйдет из семьи. Ни одному отцу такое не понравится. Более того, она предпочла тебе другого мужчину! Какое предательство! – Она притянула к себе его голову и поцеловала в губы. – Зато я всегда буду любить тебя, мой герцог, и не покину до самой смерти, да и то без особой охоты.

– О, моя дорогая Жасмин, – усмехнулся Джеймс, – как хорошо, что ты мудрее меня. Пойдем как следует насладимся этими прекрасными минутами. А потом попрощаемся с друзьями и родными и покинем дворец. К сожалению, здесь обстановка становится все напряженнее, с тех пор как Бакингом решил, что королева – его злейший враг. Недаром французский король отправил посланника, чтобы выяснить, почему между его величеством и милой маленькой королевой не все ладно. Кроме того, пуритане с каждым часом приобретают все больше влияния. Помяни мое слово, беда не за горами. Ничего нет хуже, когда люди считают только себя праведниками, а остальных – язычниками, которые должны либо принять их веру, либо погибнуть. Скорее бы вернуться в наш Гленкирк! Вряд ли я когда-нибудь еще приеду в Лондон! Кстати, ты не говорила с тетей Уиллоу относительно жениха для Индии? Я в самом деле желаю как можно скорее выдать ее замуж. Пусть муж ломает голову, как ее усмирить.

– И ты искренне веришь, будто женитьба или замужество детей освобождает нас от родительских обязанностей? – удивилась Жасмин. – Сколько бы им ни было лет, они все равно остаются нашими детьми и нам не все равно, что с ними случится, Джемми Лесли!

– Зато они станут жить отдельно! – жизнерадостно провозгласил тот.

Вечером Джеймс довольно улыбнулся при виде падчерицы, поджидавшей их на пристани. Виконта нигде не было видно.

Оказавшись дома, Индия немедленно попросила братьев снести в холл ее сундуки.

– Но, дорогая, – возразила мать, – мы уезжаем не раньше вторника. К чему такая спешка?

– Папа вечно жалуется, что я слишком копаюсь и заставляю всех ждать. На этот раз я решила подготовиться заранее и даже попросила прачку выстирать мое белье, чтобы не слишком загружать ее работой в последнюю минуту. Пусть уж мои сундуки постоят в холле, мама, – мило улыбнулась дочь. – Хотя бы однажды в жизни я буду первой!

– Ну, что стоите? Делайте как велено, – скомандовал Джеймс сыновьям. – Индия заслуживает всяческих похвал, и мы все должны брать с нее пример.

– Ах, папа, – пробормотала девушка, – я была непростительно груба с тобой сегодня! Прости мою невежливость, но я не стану извиняться за любовь к Адриану, пусть ты и не позволяешь нам пожениться. По-моему, это несправедливо. Ты даже не дал ему шанса показать себя в выгодном свете и винишь за дурные поступки матери и сводного брата. Так нехорошо, папа, и мне стыдно за тебя. До сих пор ты всегда бывал объективен.

Она вежливо присела. Герцог стиснул зубы, но сдержался.

– Ты знаешь, как я отношусь к тебе, Индия, и должна понимать, что для тебя лучше. Я хочу только счастья для тебя и, черт возьми, добьюсь своего, даже если придется силой тащить тебя в церковь! – прогремел он, но, взяв себя в руки, добавил: – Первая любовь никогда не забывается, но далеко не всегда бывает вечной. Я желаю тебе настоящего счастья и покоя в браке. Ты много лет верила мне, Индия, почему же сейчас все иначе? Ты моя дочь, и долг отца – защитить свое дитя.

– Если не позволишь мне выйти замуж за Адриана, я обречена на горе и слезы, – трагически объявила Индия, заламывая руки.

– Поскольку этот спор грозит затянуться надолго, – вмешалась Жасмин, – пожалуй, лучше на сегодня оставить эту тему. Индия, ты много потрудились, а завтра помоги своей сестре и мне подготовиться к поездке. Теперь поднимись к себе и отдохни, дитя мое. Впереди у нас долгий и трудный путь.

Индия поцеловала родителей и покорно удалилась. Она дала отцу последний шанс и против всякой очевидности надеялась, что он передумает и бежать не придется.

Девушка вздохнула. Адриан прав, прав во всем: у них нет иного выхода. Что же, завтра в это время они будут на пути в Италию, а родители узнают из оставленной записки только то, что они с Адрианом не вернутся, пока не обвенчаются.

– Зачем ты дразнишь папу? – раздраженно пробурчала Фортейн. – Он не так уж безрасуден. Этот Адриан вовсе не годится тебе в мужа, и, не будь ты такой упрямой, давно бы все поняла. Но ты вечно стараешься настоять на своем.

– Папа никогда не утверждал, что не одобряет Адриана. Только его семью, – возразила Индия.

– Какова семья, таков и человек, – бросила сестра. – Ты поэтому и поспешила собраться, что задумала завтра утром улизнуть из дома на свидание? Но мама разгадала твои уловки, и тебе придется помочь нам! Сама себя перехитрила. Я очень медлительная, так что работы хватит на весь день.

– Если не замолчишь, – пригрозила Индия, – я всю твою одежду выкину в окошко!

Фортейн, презрительно фыркнув, швырнула в сестру подушкой. Та, не задумываясь, ответила, и вскоре в спальне разгорелась нешуточная битва. Наконец обе, изнемогая от смеха, повалились на постель.

– Я стану скучать по тебе, сестричка, – шепнула Индия.

– С чего бы это? – удивилась Фортейн.

– Скоро мы расстанемся. Отец выдаст меня за какого-нибудь угрюмого горца, и тогда всему конец, – поспешно нашлась девушка. – Кровь Христова! Неужели не понимаешь, что детство кончилось? В следующем году к этому времени у нас животы набухнут первым ребенком! – И, для пущей наглядности сунув подушку под юбки, Индия неуклюже заковыляла по комнате. – О, я надеюсь, что рожу сына своему господину.

– Интересно, почему мужчины так жаждут сыновей? – хихикнула Фортейн.

– Наш настоящий отец, наверное, был разочарован, что родилась сначала я. А о тебе он и не знал.

– Ты хоть немного помнишь его? – тоскливо спросила Фортейн.

– Чуть-чуть, – вздохнула Индия. – Такой огромный золотоволосый смеющийся великан, сажающий меня в седло впереди себя... но и только. Совсем мало, правда?

– У меня и Генри и того не осталось, – пробормотала Фортейн. – Зато я помню принца Генри. Такой красавчик, и с мамы глаз не сводил. Представь только, что было бы, позволь ему король на ней жениться. Тогда вместо нынешнего королем был бы наш Чарли.

– Мама считалась слишком низкородной для принца, – покачала головой Индия. Она была старше Фортейн и лучше разбиралась в подобных вещах.

– Вот и Адриан совсем тебе не подходит, – уколола Фортейн. Но Индия решила не обращать на нее внимания.

– Я ложусь спать, – коротко объявила она.

Сестры умылись, надели ночные сорочки и погасили свечу. Сейчас комнату освещало только пламя в камине. Индия закрыла глаза. Адриан пообещал, если она проспит, бросить в окошко камешек. Поскольку сундуки уже внизу, остается только одеться и бежать вниз.

Вскоре обе девушки забылись. Индия проснулась неожиданно и в полной темноте. Часы в коридоре пробили три раза. Полежав несколько минут, она встала и поежилась, когда босые ступни коснулись холодного пола, но все-таки набралась храбрости подойти к камину и под-

кинуть дров в угасающий огонь. Часы пробили четверть. Девушка натянула черное бархатное платье с белыми крахмальными рюшами у ворота, надела дорожные сапожки. Она заранее отыскала на чердаке траурную вуаль и сейчас, прикрепив ее к волосам, натянула темные перчатки и накинула длинный плащ. На одевание ушло еще полчаса, и Индия, сунув шкатулку с драгоценностями в бобровую муфту, тихо вышла.

Бесшумно сойдя по лестнице, она пробралась в библиотеку, безошибочно отыскала тайник и удостоверилась, что мешочек набит золотом. Присоединив его к шкатулке, она поставила на место панель, поспешила в переднюю и с трудом отодвинула тяжелые засовы.

Долго ждать не пришлось. Услышав негромкое царапанье, Индия распахнула дверь. В переднюю шагнул виконт в сопровождении какого-то простолюдина, очевидно лодочника. Тот молча взвалил на плечо сундук и направился к реке.

– Возьми второй сундук, – велела Индия. – Я задвину засовы, чтобы утром никто не заметил, что дверь открыта, и не поднял слишком рано тревогу. Сама я вылезу из окна библиотеки, любовь моя.

Выпроводив виконта, Индия заперла дверь, вернулась в библиотеку и ловко выскользнула из окна, притворив за собой створку. Вряд ли кто-то поймет, каким образом она покинула дом!

Девушка, даже не оглянувшись, поспешила к причалу, где уже стояли мужчины. Когда Адриан помог ей сесть в лодку, сердце Индии на мгновение сжалось, но радость была слишком велика. Они свободны!

– Поднимите вуаль, мадам, я желаю удостовериться, что за черным газом скрываетесь вы, а не ваш папа, – пошутил Адриан. Но Индия немедленно послушалась.

– Это я, только я, любимый, – шепнула она.

Барка быстро плыла по реке к Пулу¹⁰ и причалила у пристани компании «О’Малли – Смолл». Адриан Ли поспешно прыгнул на землю, помог Индии выбраться из суденышка и повел к сходам. Индия старалась двигаться медленно и важно, как подобает престарелой вдове.

– А, синьор ди Карло! – воскликнул кто-то сверху. – Вы как раз вовремя, сэр. А это ваша тетя? Примите мои утешения, мадам, в вашей безвозвратной потере.

– Манипенни был стар и прожил хорошую жизнь, – прокаркал хриплый голос из-под вуали. – Вы один из парнишек Линмута, верно?

– Да, мадам, четвертый сын, – кивнул капитан Томас Саутвуд. – Джефф – наследник, Джон – священник, а Чарлз женат на богатой девице. А моя жена – море. Не доставляет таких неприятностей и не слишком многого требует от мужчины.

– Хе-хе-хе, – прокудахтала старуха. – Совсем как ваша бабка, которая, по слухам, была пираткой.

– Гнусные сплетни, мадам, – улынулся капитан Саутвуд. – А теперь стюард покажет вам каюты.

– Зачем ты с ним болтала? – обрушился на Индию Адриан, как только они остались одни. – Хочешь нас выдать?

– Нужно, чтобы меня принимали за сварливую старуху, которая, вполне возможно, знакома с его семьей. Я сумела его одурачить, Адриан. Ему и в голову не пришло, что я не та, за которую себя выдаю.

«Король Карл» вышел в море точно по расписанию и медленно поплыл вниз по течению. Индия, верная слову, не покидала каюты и не отходила от крошечного иллюминатора, выходившего на палубу. Они миновали Гринвич и судоверфи в Тилбери. Февральский денек выдался пасмурным, но пока не штормило. Индии отчего-то показалось, что в воздухе запахло весной. Когда еще доведется встретить весну и лето в Англии?

¹⁰ Название участка реки Темзы ниже Лондонского моста.

Она ощутила мерное биение волн в борта судна, когда корабль вошел в Ла-Манш, и поняла, что «Король Карл» взял курс на Средиземное море. Впервые в жизни Индия Линдли задумалась над последствиями своего поступка. Правильно ли она сделала?

Девушка вздрогнула и поплотнее закуталась в плащ.

Глава 5

«Король Карл» покинул Англию с грузом шерсти и корнуоллской оловянной посуды и, пройдя Ла-Манш, направился к Бискайскому заливу. В Бордо он принял на борт красное вино, затем обогнул мыс Пинстерр, бросил якорь в Лиссабоне, где в трюмы погрузили кипы кож. Держась поближе к берегу, судно проплыло мимо мыса Сан-Винсенти и вошло в Кадисский залив. В кадисском порту полуголые грузчики проворно перетаскали на палубу корзины с апельсинами и лимонами. Далее, одолев Гибралтарский пролив, судно оказалось в Малаге, где уже ожидали бочонки с хересом. Именно там сошли на берег двое других пассажиров, испанские виноторговцы. В Марселе вино должны были выгрузить, а его место – занять соленая рыба. Следующим пунктом назначения был Неаполь.

Индия по-прежнему сидела в каюте, позволяя себе лишь короткие прогулки на палубе по ночам, да и то в вуали. Адриан объяснил капитану, что его тетка в глубоком трауре, предпочитает одиночество и считает, что море действует на нее успокаивающе.

– Повезло, что до сих пор держится хорошая погода, – засмеялся Том Саутвуд, – иначе, синьор ди Карло, леди Манипенни вряд ли осталась бы довольна. Жаль, однако, что она не обедает с нами. Весьма забавная пожилая леди, такая откровенная и прямая. Очень напоминает мне покойную бабу, леди де Мариско.

– Увы, желудок у нее довольно деликатный, – отозвался Адриан.

С каждым днем становилось теплее. Адриан сказал Индии, что они находятся в самой узкой части Средиземного моря. Девушка легко раздражалась и почти не позволяла ему оставаться в ее каюте. Адриан опасался, что она уже жалеет о содеянном, но Индия не заводила разговора на эту тему, поэтому он посчитал, что она просто нервничает и плохо переносит путешествие. Когда они наконец сойдут на берег, все будет по-другому. Обратно они вернутся сушей, если не считать короткой переправы через Ла-Манш.

Они были в нескольких днях пути от Марселя, когда в каюту Тома прибежал растерянный стюард.

– Капитан, уделите мне минутку!

– Заходите, Нокс. В чем дело?

– Капитан... эта дама... та, которая плывет в Неаполь... Разве она не старуха?

– Да, и что тут такого?

– Так вот, сэр, это молодая дама, – пробормотал сконфуженный Нокс. – Я проходил мимо ее каюты и видел, как она сидит на койке и расчесывает волосы. Я даже остановился, потому что у старух не бывает таких чудесных локонов. Тут она немного повернула голову... она не заметила меня, сэр... и оказалось, что это настоящая красавица!

– Проклятие! – раздраженно выругался Том Саутвуд.

«Какого дьявола! Нужно докопаться до правды, прежде чем они прибудут в порт. Молодая дама... Синьор ди Карло говорит на безупречном английском. Утверждает, что воспитывался в Англии. Побег! Ди Карло похитил девушку! Чью дочь он увез? И что теперь делать?»

– Пойдем со мной, – велел он Ноксу, и мужчины направились на пассажирскую палубу. Капитан постучал в дверь мнимой леди Манипенни и, не дожидаясь разрешения, вошел. Девушка вскочила с койки, уронив книгу, и испуганно охнула.

– Иисусе милостивый! – завопил капитан. – Индия Линдли!

– Простите, сэр, вы принимаете меня за кого-то другого, – вежливо ответствовала девушка.

– Индия, ты, конечно, сильно выросла, с тех пор как мы виделись в последний раз, – мрачно проворчал капитан Саутвуд, – но по-прежнему похожа на мать. Кроме того, у тебя на пальце фамильный перстень Линдли, и эта соблазнительная родинка над верхней губой

тоже никуда не делась. Ну, что все это значит и почему ты разыграла этот маскарад? Впрочем, можешь не отвечать. Кажется, я уже знаю правду.

– В таком случае убирайся, Том, и оставь меня в покое! – рассердилась Индия.

– Он твой учитель итальянского, этот синьор ди Карло? – продолжал допытываться капитан. – Вы удрали, да еще имели наглость выбрать для побега мой корабль? Я слышал, что на тебя управы нет, Индия Линдли, но в жизни не предполагал, что ты способна на такое безобразие! Если кто-то узнает, что ты наделала, разразится ужасный скандал и твоя репутация будет навеки погублена! Всякий порядочный мужчина шарахнет от тебя как от чумы!

– Но Адриан – порядочный человек! – вскрикнула Индия, бросаясь на защиту любимого. – Он вовсе не мой учитель, а виконт Туайфорд, наследник графа Окстона. Мы спешим к его дяде в Неаполь, чтобы пожениться, потому что папа слышать о нем не желает. Мы любим друг друга! Я предпочла твой корабль, зная, что на нем мы будем в безопасности, и надела вуаль и траур по вполне очевидным причинам.

– Нокс, немедленно перенесите вещи леди Линдли в мою каюту и позаботьтесь, чтобы джентльмен не покидал своей до конца путешествия, – велел Саутвуд.

– Том! Ты не можешь быть так жесток! – всхлипнула Индия.

– Кузина, – наставительно заметил Томас, – если повезет, в Марселе мы встретим одно из судов нашей компании, идущее в Англию. Я посажу тебя на него и позабочусь, чтобы тебя доставили к родителям. Если же ничего не выйдет, ты останешься на борту «Короля Карла» и вернешься со мной. Что же до твоего поклонника... поскольку он оплатил проезд до Неаполя, то сойдет там на берег, но без тебя!

– Нет! – взвыла Индия. – Не-е-е-ет!!!

Но Том, схватив ее за руку, потащил в свою каюту. На палубе раздавался невероятный грохот – это Адриан Ли в бессильном бешенстве колотил в дверь своей каюты. Толкнув кузину в салон огромных капитанских апартаментов на корме, Том Саутвуд объявил:

– Я поговорю с твоим женихом и объясню, что положение изменилось. Вы, юная леди, отправляетесь домой!

– Ненавижу тебя, Томас Саутвуд! – завопила Индия, швыряя ему в голову графин с вином. – Ненавижу!

Но Том успел увернуться и, метнувшись из каюты, повернул ключ в двери, после чего отправился навестить виконта Туайфорда. При виде капитана молодой человек вскочил с койки.

– Итак, милорд, вы изобличены, – мрачно сообщил Том. – Игра закончена, и вас высадят на берег в Неаполе. Мою кузину Индию отошлют домой, а вы пока посидите под арестом.

– Вы не имеете права... – напыщенно начал Адриан.

– Имею, милорд, – бесцеремонно перебил Саутвуд. – Я капитан корабля и, следовательно, полный хозяин этого крошечного морского владения. Герцог Гленкирк не давал вам разрешения венчаться с его дочерью. Вы хитростью и лестью совратили с пути истинного невинную молодую девушку и похитили ее из-под родительского крыла. Вы негодяй, милорд. Оставляю вас в одиночестве поразмыслить о серьезности последствий вашего поступка. Думаю, пройдет немало времени, прежде чем вы решитесь показаться в Англии. Наш род весьма многочислен, и мы горой стоим друг за друга. Молю бога о том, чтобы ваш побег не стал достоянием публики и чтобы репутация Индии не оказалась запятнанной. Вы меня поняли?

– Могу я по крайней мере попроситься с Индией? – пролепетал виконт.

– Вы уже сказали кузине все, что могли, и, возможно, более, чем нужно, – бросил капитан. – И не пытайтесь дозваться ее сквозь стену. Я отправил ее в свои апартаменты. Она тоже будет сидеть под замком, пока не покинет корабль. Желаю здравствовать, сэр.

Далее Томас Саутвуд отыскал своего первого помощника мистера Болтона и поведал о случившемся.

– Какая неприятность, сэр, – вздохнул тот, качая головой. – Думаю, что в холостяцкой жизни есть свои преимущества. Не дай бог связаться с женщиной! Будем надеяться, что скандал все же не разразится и на имя девушки не ляжет позорное пятно.

Индия так обозлилась на кузена, что отказалась от ужина.

– Я уморю себя голодом, – театрально рыдала она, – и ты вернешься в Англию с моим иссохшим телом в гробу, и тогда папа тебя убьет!

Томас благоразумно удержался от смеха. Все подобные выходки были хорошо ему знакомы, ибо его младшая сестра Лора в возрасте Индии еще и не такое выкидывала.

– Как хочешь, – хладнокровно пожал он плечами, – но рыба просто восхитительна. Нокс поймал ее только этим утром, и к тому же в Кадисе нам продали артишоки. Разве тебе не понравились апельсины? Свежие и очень сладкие.

– Иди к дьяволу! – прошипела Индия, протягивая руку к оловянному кубку.

Томас немедленно вскочил и, прежде чем она снова успела размахнуться, потащил милую кузину в смежную каюту.

– Ты можешь спать в моей постели, а я переночую у Нокса, – бросил он, запирая дверь. – Вода для питья и умывания в кувшине на столике.

И преспокойно принялся за ужин, не обращая внимания на визг и мольбы.

Утром Нокс выпустил ее в гостиную.

– Капитан разрешил вам гулять по его апартаментам, миледи, – вежливо сообщил он. – Принести вам завтрак? Может быть, фрукты?

– Нет, благодарю вас, – не менее учтиво ответила Индия. – Где мой кузен?

– Капитан спит всего четыре-пять часов, миледи. Он еще с рассвета на палубе. Ну что же, если мои услуги вам не понадобились, позабочусь о молодом джентльмене.

– Нокс! Подождите! Вы не отнесете виконту Туайфорду записку? – в отчаянии попросила Индия. – Я щедро вас отблагодарю.

Но стюард решительно покачал головой и отступил к двери, опасаясь, что очередной «снаряд» полетит и в него.

– Простите, миледи, никак не могу, – пробормотал он и в мгновение ока исчез, прежде чем она успела вымолвить слово.

Услышав скрежет ключа в замке, Индия едва не зарычала от бешенства. Она не затем столько трудилась, чтобы видеть крушение всех замыслов!

Встав на скамеечку под большим окном, она выглянула наружу. Отсюда не сбежишь! Впереди, сколько хватает глаз, безбрежное море. Маленькая спальня не имела выхода на палубу, куда можно было попасть только из гостиной. Но она найдет способ! Обязательно найдет! И ее возлюбленный Адриан, конечно, тоже изобретает средство для побега! Возможно, в Марселе, когда ее назойливый кузен решит перевести ее на другое судно, она сумеет скрыться, а пока ее будут искать, проберется на «Короля Карла» и поможет Адриану. Ну а потом они наймут лошадей и отправятся в Неаполь сушей. Она не позволит себя остановить!

Индия металась по каюте, как раненая тигрица, и остановилась, только услышав крик вахтенного:

– Судно по левому борту!

Она снова бросилась к окну и увидела на некотором расстоянии большой корабль.

– Поднять все паруса! – скомандовал капитан.

Матросы рассыпались по вантам, и до Индии донеслось поскрипывание такелажа, но «Король Карл» почти не прибавил скорости. Индия опять выглянула в окно. Неизвестное судно быстро нагоняло их. Теперь Индия разглядела, что оно было необычайно узким, с изящными обводами и парусами в ало-золотую полоску.

Дверь каюты распахнулась, и на пороге показался Томас Саутвуд, явно чем-то озабоченный.

– Помолчи и выслушай меня, – велел он. – Через несколько минут нас возьмут на abordаж берберские пираты.

– Неужели мы не можем уйти от них? – побледнев, воскликнула Индия.

– В обычных обстоятельствах могли бы, но проклятый ветер, как назло, стих и судно почти не движется. Моя бабка когда-то оказалась в таком же положении. Если от тебя требуют отречься от христианской веры и перейти в ислам, соглашайся, чтобы спасти жизнь. Не глупи и не смей отказываться. Нам в семье мученики ни к чему. Твоя покорность означает, что тебя подарят или продадут высокородному вельможе, а не бросят в тюрьму для рабов, где многократно изнасилуют, а потом принудят торговать собой.

– Но может, за нас запросят выкуп? – с надеждой пробормотала девушка.

– Вряд ли, кузина, не такие уж мы важные лица. Но со временем я сумею передать домой письмо, и тогда, возможно... – Он осекся и с состраданием взглянул на нее. – Только, боюсь, тебе назад дороги нет!

– О, Том! – заплакала Индия. – И я никогда не увижу маму с папой?

– Женщины нашего рода отважны и неукротимы, и поэтому умеют выжить при любых обстоятельствах, Индия. Слушай, запоминай и ради бога пойми, что с момента твоего пленения ты больше не дочь герцога Гленкирка, а просто красивая невольница, чья жизнь и судьба зависят от прихоти господина. Не смей давать волю капризам, не груби, иначе тебе просто вырвут язык. Берберские пираты жестоки и кровожадны.

– Я скорее умру, чем покорюсь! – воскликнула Индия, заламывая руки. Но Том Саутвуд схватил кузину за плечи и принялся безжалостно трясти.

– Не будь идиоткой, Индия! – прошипел он и, оттолкнув ее, вышел. К ее отчаянию, он не забыл запереть дверь. Неужели он способен даже в такую минуту не терять головы?

Пиратская галера подошла вплотную к борту «Короля Карла». Теперь Индия поняла, почему она была столь быстроходной: несколько десятков гребцов не покладая рук работали веслами. Как жаль, что Индии нельзя выйти на палубу. Что сейчас делает ее кузен? Намеревается драться?

– Команда готова к бою, сэр, – доложил мистер Болтон.

Том покачал головой.

– Соппротивление бесполезно, – сказал он помощнику, который и без того это понимал. – Посмотри на их пушки! Кроме того, я не хочу, чтобы корабль повредили. Рано или поздно мы все равно его украдем, Френсис Болтон. Ты передал команде мой приказ?

– Да, сэр, но двое из них – ирландские паписты, и мы еще ухитрились набрать с полдюжины твердолобых пуритан. Парусный мастер – еврей, а кок утверждает, что ни во что не верит. Они не переменят веру.

– Что ж, мы их предупредили и будем надеяться, что, когда придет время побега, наберем достаточно храбрых парней, которые и поведут судно назад. Выше голову, Болтон. А вот и они.

Саутвуд оценивающе оглядел пиратское судно. Редко приходится встретить такую огромную галеру! Двадцать четыре... пять... шесть... двадцать восемь скамей для гребцов! И на каждой – по четыре-пять человек! Корма огорожена, а это означает, что на судне плывут янычары. Остальная часть палубы открыта небесам. Внизу, в прорезь борта, выглядывает дуло большой пушки. Еще несколько поворотных орудий поменьше расставлены вдоль бортов.

На палубу «Короля Карла» спрыгнул высокий широкоплечий мужчина.

– Я Арудж-ага, капитан корпуса янычар его величества султана турецкого. Мои люди посланы в Эль-Синут, под командование тамошнего дея, – сообщил он на хорошем французском, без малейшего акцента. – Кто вы, месье?

– Капитан Томас Саутвуд, из Лондона. Судно принадлежит торговой компании «О’Малли – Смолл». До сих пор нас всегда пропускали беспрепятственно. Почему на этот раз остановили? Неужели не видели вымпела, который развевается у нас на мачте?

– Для меня эта безделушка ничего не значит, сэр, – вежливо уведомил янычар. – Возможно, в прошлом это и имело какой-то смысл, но теперь все изменилось. Ваше судно – военная добыча и отныне принадлежит дею Эль-Синута. Какой груз у вас в трюмах?

– Шерсть, корнуоллская оловянная посуда, кожи, фрукты и херес в бочонках. Кроме того, на борту два пассажира, за которых можно взять неплохой выкуп. Один – сын графа Окстона, а другая – моя кузина, дочь герцога Гленкирка. Ее брат – племянник самого короля Англии, хоть и рожденный вне брака. Ее отец заплатит любые деньги за возвращение дочери. Я вез ее к бабушке в Неаполь.

– Если вы хорошо знакомы с нашими обычаями, капитан Саутвуд, то должны знать, как мы обращаемся с пленниками. Ради блага вашей кузины надеюсь, что она уродлива и зла.

Томас поморщился, а Арудж-ага рассмеялся:

– Нет? В таком случае позвольте мне на нее посмотреть.

– Я запер девушку в своей каюте, поскольку боялся за ее безопасность. Следуйте за мной.

– Весьма мудро, – согласился Арудж-ага. – Мы берем ваше судно на буксир, а вы, ваши пассажиры и несколько человек команды можете остаться здесь, пока не доберемся до места назначения.

– А остальная команда?

– Они перейдут на мою галеру, и, разумеется, придется их заковать. Я велю своим людям заменить их на этом корабле. Мы в трех днях пути от Эль-Синута.

Том Саутвуд ничуть не удивился. Этого следовало ожидать. Дей предложит пленникам принять ислам, и те, кто согласится, станут матросами на его судах. Остальных продадут, сделают галерными рабами или отправят на рудники. Достаточно известная и широко распространенная практика.

Остановившись перед своей каютой, он окликнул:

– Кузина, это я!

Индия стояла посреди комнаты со шпагой в руках.

– Ты сдался без борьбы! – осуждающе воскликнула она.

– У меня не военное, а торговое судно, Индия, – пояснил Том. – Откуда ты взяла эту шпагу? Немедленно брось!

– Не собираюсь! Я должна постоять за фамильную честь, которую ты так легко предал! Шпага валялась под койкой, и я в отличие от тебя буду драться до последнего! – объявила Индия.

Арудж-ага глядел на нее с нескрываемым восхищением. Ослепительная красавица. И одета к лицу – в темно-красную бархатную юбку и мужскую сорочку с широкими рукавами. Тонкая талия затянута черным кожаным ремнем. Длинные темные волосы разметались по плечам, глаза мечут молнии. Она была поистине великолепна!

– К бою, неверный! – воззвала она, взмахнув оружием.

– Иисусе! – беспомощно пролепетал Том Саутвуд. Как он мог оставить шпагу под койкой?

Арудж-ага, однако, разразился смехом.

– Успокойся, красотка, – дружески улыбнулся он. – Твой кузен правильно поступил. Мне было бы весьма неприятно пустить ко дну столь прекрасное судно и зря проливать кровь невинных. Тебе не причинят зла. Наоборот, я предсказываю тебе сказочную жизнь фаворитки в гареме твоего будущего хозяина. Отдай шпагу.

Он протянул руку, но Индия сделала молниеносный выпад. К счастью, ага оказался проворнее и вовремя отпрянул, так что удар пришелся вскользь, но на смуглой коже все же выступила алая полоска. Индия, пользуясь замешательством мужчин, прыгнула на него, размахивая оружием. Капитан янычар, мигом растеряв благодушие, в свою очередь, набросился на девушку. Стиснув ее запястье железными пальцами, он вырвал шпагу, отшвырнул и, грубо бросив Индию на пол лицом вниз, наступил ей на спину сапогом. Том Саутвуд даже не шевель-

нулся, понимая, что ага не причинит девушке особого вреда. Она слишком ценная невольница, но, если не поймет, как нужно себя вести и где ее место в окружающем новом мире, ее безжалостно казнят.

– Том! – взвизгнула Индия. – Что ты стоишь? Неужели позволишь так со мной обращаться? Помоги!

Она бешено извивалась, стараясь освободиться.

– Я предупреждал тебя, Индия, – упрекнул ее Том, перейдя на английский. – А теперь прикуси язык, пока он не велел тебя высечь. И не говори, что он не посмеет, потому что отныне это твой господин. Именно так наказывают здесь непокорных рабов. Надеюсь, теперь ты понимаешь, в какое опасное положение попала по собственной вине? – Повернувшись к янычару, он перешел на французский: – Я приказал ей покориться, Арудж-ага, но она всегда была своевольной и избалованной. Не могу поручиться, что она послушает.

– Я имел дело с дикими кобылицами и раньше, капитан, и стыжусь, что столь неопытная девушка застала меня врасплох. Она, разумеется, девственница. Они всегда теряются и более пугливы в подобных случаях. Ну, надеюсь, ты получила урок, красавица моя?

Он убрал ногу и поднял Индию с пола.

– Иди к черту! – взорвалась та. – При первом удобном случае я тебя прикончу! Не была и не буду ничьей рабыней, пропади ты пропадом!

– Резвая кобылка – породистая кобылка, – хмыкнул Арудж-ага. – Она всегда столь мила и услужлива, капитан?

– Боюсь, что да, – вздохнул Том.

– Где Адриан? – дерзко допытывалась Индия. – Вы дорого заплатите за причиненное ему зло!

– Да заткнись же, Индия! – не выдержал наконец Том. – Ты этим только хуже сделаешь себе и ему! Его можно будет выкупить, если дей великодушен и нуждается в деньгах. Так что делай как велено, кузина.

– Но если его можно выкупить, почему меня нельзя? – всполошилась Индия.

– Потому что ты красива, невинна и высоко ценишься как наложница. Этим людям представить невозможно, что отец согласится заплатить за дочь такую же сумму, какую они выручат за нее на невольничьем рынке. Ведь любое семейство посчитало бы обесчещенной дочь, попавшую в лапы пиратов. А теперь, Индия, успокойся и покорись судьбе. С разрешения Аруджа-аги я навещу тебя позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.